

Валерий Бондаренко

ЮНОСТЬ ДЛИНОЮ В СТО ● ЛЕТ

Читаем про себя.
Молодежь в литературе XX века

Валерий Бондаренко

Юность длиною в сто лет

Читаем про себя.
Молодежь в литературе XX века

С рисунками автора

Москва
2014

ББК 85.374
Б81

Бондаренко В. В.

Юность длиною в сто лет: Читаем про себя. Молодежь в литературе XX века. [С рисунками автора] — М.: Рос. гос. б-ка для молодежи, 2014. — 160 с., ил. 16+

Книга ориентирует читателя в отечественной и зарубежной литературе о молодежи 20 века. Мы отобрали лишь самые знаковые произведения первого ряда.

Книга состоит из двух больших глав: «МЫ» и «ОНИ», внутри каждой главы установлена хронология разделов, в целом соответствующая принятой в истории 20 века. Каждый раздел открывается сжатым обзором основных тенденций в молодежной культуре данной эпохи, очерки о книгах следуют преимущественно в хронологическом порядке, что, однако, не исключает общего тона непринужденной беседы. Очерк о конкретной книге содержит краткий рассказ о произведении, значимые цитаты из него и сведения об экранизациях. Отбор материалов завершён 1 января 2014 года.

© В. В. Бондаренко, 2014
© Российская государственная библиотека для молодежи, 2014

Содержание

К читателю	9
Мы	10
Россия: 1920 — 30-е годы	11
Революция и жизнь «обывателя»	
М. А. Булгаков «Записки юного врача. Морфий»	13
Герой революционного времени	
А. А. Фадеев «Разгром»	16
Становление «советского характера»	
Н. А. Островский «Как закалялась сталь»	19
Крах революционных иллюзий и поиски нового идеала	
А. А. Платонов «Счастливая Москва»	22
Гуманно ли новое общество?	
П. Ф. Нилин «Жестокость»	24
Нравственный выбор и революция	
Б. Л. Васильев «Завтра была война...»	26
Люди новой и старой России	
В. П. Катаев «Уже написан Вертер»	29
Взгляд потомка	
В. В. Пелевин «Чапаев и Пустота»	31

Россия: 1940-е годы	34
Ратный подвиг народа. Самый страшный год войны К. Д. Воробьев «Убиты под Москвой»	35
В тылу врага А. А. Фадеев «Молодая гвардия»	37
Участь пленных К. Д. Воробьев «Это мы, Господи!..»	40
Война сквозь очки интеллигента. Фронтовые будни Б. Ш. Окуджава «Будь здоров, школяр!»	42
Женщина на войне Б. Л. Васильев «А зори здесь тихие...»	44
Незаметный герой войны В. Л. Кондратьев «Сашка»	48
Горькие лики войны В. П. Астафьев «Прокляты и убиты»	50
ВОВ — взгляд потомка И. В. Бояшов «Танкист, или «Белый тигр»	53
Россия: 1950 — 80-е годы	55
Крах утопии о всеобщем равенстве Ю. В. Трифонов «Дом на набережной»	57
Поколение «оттепели» — романтика социального становления В. П. Аксенов «Коллеги»	59

Поколение «оттепели» — еще романтической	
В. П. Аксенов «Звездный билет»	61
Дети «застоя». Стиляги и диссиденты	
Э. В. Лимонов «Молодой негодяй»	63
Время «застоя». Прекрасное «пограничье»	
А. В. Соколов «Школа для дураков»	66
Кризис системы. Армия. Зона	
С. Д. Довлатов «Зона (Записки надзирателя)»	69
Интеллигенция в позднем СССР	
В. Г. Сорокин «Тридцатая любовь Марины»	72
Молодая бюрократия	
Ю. М. Поляков «ЧП районного масштаба»	75
«Трудные подростки»	
М. Ю. Елизаров «Мультики»	77
 Россия: 1990-е — и посейчас	 80
Мифы новой России.	
«Общество потребления»	
В. О. Пелевин «Generation «П»	81
Армия — «школа жизни». «Дедовщина»	
В. В. Чекунов «Кирза»	84
От СССР к РФ: главный перелом. Любовь.	
Социальный выбор	
П. В. Санаев «Хроники Раздолбая.	
Похороните меня за плинтусом-2»	86

Люди «за гранью» М. Ю. Елизаров «Кубики»	88
Женщина как субъект жизни и творчества С. Сачкова «Одна жирафья жизнь, или Женщина детородного возраста»	91
Каста бюрократов А. М. Терехов «Немцы»	93
Крайние левые З. Прилепин «Санька»	95
«Винеры» и «лузеры». Что затем?.. А. В. Дмитриев «Крестьянин и тинейджер»	98
Школа — в том числе и патриотизма А. В. Иванов «Географ глобус пропил»	101
«Куда ж нам плыть?..». Духовные поиски молодых С. А. Шаргунов «Книга без фотографий»	104
ОНИ	106
Запад: 1920 — 40-е годы	107
Первая мировая война. Антивоенные настроения Э. Хемингуэй «Прощай, оружие!»	109
Первая мировая война. Окопная правда Э. М. Ремарк «На Западном фронте без перемен»	113

«Потерянное поколение» в мирное время. И все же Любовь Э. М. Ремарк «Три товарища»	116
Вторая мировая война. Негероический героизм Г. Грасс «Кошки-мышки»	119
Человек как вещь в себе. Экзистенциализм А. Камю «Посторонний»	121
Запад: 1950 – 70-е годы	124
Прекрасный и гибельный послевоенный мир Б. Виан «Пена дней»	126
Поколение «битников»: жизнь – яркое путешествие начинается Т. Капоте «Завтрак у Тиффани»	129
Поколение «битников» – самый расцвет Дж. Керуак «В дороге»	132
Как трудно стать взрослым Д. Д. Сэлинджер «Над пропастью во ржи»	135
Герой против «системы» К. Кизи «Над кукушкиным гнездом»	138
Самые «трудные подростки». Киберпанк Э. Бёрджесс «Заводной апельсин»	141
Герой вписывается в систему. Армия М. Варгас Льоса «Город и псы»	144

Запад: 1980-е — и посейчас	147
«Общество потребления».	
Выход через «мачизм»??	
Ч. Паланик «Бойцовский клуб»	148
Ох уж эти «столпы общества»!..	
И. Уэлш «Дерьмо»	151
А что в странах «третьего мира»?	
Ч. Н. Адичи «Половина желтого солнца»	153
Подростки и взрослые. «Нет правды на земле»?..	
Дж. К. Роулинг «Случайная вакансия»	155
Рекомендуемая литература	158

К читателю

Эта книжка — о книгах. О книгах, посвященных молодежи и, в общем, молодыми чаще всего написанных. Гёте сказал: «Молодежи трудно, мир развивается, а она каждый раз начинает все заново». И какая же она разная, эта молодежь! Встреться нынешний обайфоненный товарищ с «комиссаром в пыльном шлеме» из 1920-х, — пожалуй, перепугали б друг друга. И нашли бы общий язык, отдышавшись?

Мне почему-то кажется, нашли бы. Проблемы перед ними не такие уж разные стоят. Так российская история устроена: любит бегать по кругу, и многое, казавшееся лет тридцать назад безвозвратно ушедшим, ожило вдруг сейчас или оживет на днях.

Говорят, в России надо долго жить, чтобы что-то увидеть. Вот мы и предлагаем вам с помощью этой книжки прожить этак лет девяносто, сто — и не только в России, но и на Западе.

Мы отобрали лишь лучшее и самое живое, на наш взгляд, из литературного наследия 20 века, самое «знаковое» из первых десяти лет века нынешнего. Рассказ о каждой книге сопровождается цитатами из нее (чтобы сразу понять, насколько это ваше), а также справкой об экранизации.

Наша книга состоит из двух больших разделов: «Мы», то есть Россия, и «Они», то есть ясно, кто. Внутри этих разделов материал разведен по эпохам — конечно же, приблизительно, и эпохи эти у нас и у «них» не слишком-то совпадают. Но с хронометром и на этом не покончено! Книги обычно следуют по времени написания, но не всегда, ведь эпоха, слава богу, не всегда убивала автора на пороге зрелости. Иные и в старости вдруг острее острого вспоминали свою юность, и этот взгляд назад, с высоты прожитого, быть может, еще интересней горячего репортажа с места события... Каждую рекомендацию мы озаглавили тематически. Это так, маячок, ведь наша книжка — только приглашение открыть настоящие книги или скачать их. Короче, в них погрузиться.

Ах, да! Вам ведь уже 16? Это рекомендуемый возраст нашего читателя. В путь?..

МЫ

20 век все в России ждали с тревогой. Чувствовали: начнется эпоха невиданных перемен. Прошло чуть больше тридцати лет нового столетия, и поэт Осип Мандельштам назвал его «веком-волкодавом». Подводя итоги столетия для России, многие в 90-е годы считали: век прожит не так, неудачно, кровавые жертвы, столь обильные в первой его половине, подорвали силы страны и завели ее в тупик.

Так ли это? И была ли возможность прожить это столетие по-другому?..

В этом разделе собраны книги, которые помогут если не ответить на этот вопрос, то хотя бы поискать свой ответ. Мы увидим, какой это был разный — прошедший 20 век. Да и покончено ли с ним с наступлением 00-х? Кажется, он еще далеко не история, он еще жив, он еще продолжается...

И, быть может, впереди нас ждет то, что казалось лет тридцать назад безвозвратной историей...

Россия: 1920 — 30-е годы

Наверно, это самое сложное и спорное время в новейшей нашей истории, страстно воспетое одними и столь же горячо проклятое другими. Потому что в начале его произошла революция, перепахавшая лицо страны до неузнаваемости. Кажется, и теперь окончательной оценки событиям октября 1917 года не вынесено. Историки спорят, насколько при такой-то кровище операция была полостной, а не лишь пластической...

Вот почему мы решили дать выговориться здесь не только непримиримым врагам, таким, как пламенный комиссар А. Фадеев и столь же убежденный ненавистник революции М. Булгаков, но и тем, чьи взгляды с течением лет менялись (А. Платонов, В. Катаев).

Современным молодым трудно представить себе, что значил миф о Великом Октябре для советского человека 20 века, причем на протяжении почти столетия! Он был частью сознания нескольких поколений. Это так заметно, например, в произведениях П. Нилина и Б. Васильева. Впрочем, как и всякий миф, он прошел путь от героических песен до скабрёзных анекдотов, что блестяще использовал В. Пелевин на излете этого мифа, уже в 90-е.

Но если мы скажем, что теперь этот миф иссяк, что не так уж много молодежи твердо вспомнит дату октябрьского переворота (где-то возле «бироновщины», сразу после татаро-монгольского ига), то, наверное, поторопимся.

В России ж надо жить долго.

Революция и жизнь «обывателя»

М. А. Булгаков **«Записки юного врача. Морфий»**

Мы чуть отступим от принятой хронологии, начав с произведений М. Булгакова, написанных «уже» в 1927 г. Начнем, так сказать, «от противного», потому что противней литератора для Советской власти в 20-е и 30-е гг., кажется, не было. Официоз называл Булгакова типичным представителем внутренней эмиграции и классово враждебным советской действительности, что, между прочим, было абсолютнейшей правдой — хотя сейчас в позиции писателя нам видится, скорее, здравый смысл, а не обывательская «бескрылость». Цикл очерков «Записки юного врача» и тематически примыкающий к ним рассказ «Морфий» повествуют о том, как события осени 1917 года еще НЕ отразились в судьбе простого российского обывателя.

Итак, юный выпускник универа приезжает практиковать в дальнюю земскую больницу дождливым сентябрьским днем 1917 года. Больница отлично оснащена, ее еще не коснулась разруха, но для вчерашнего студента это слабое утешение. Опыта никакого, а начинать приходится с тяжелейшей операции... Его ждет много необычайных приключений на ниве врачевания, много смешного и страшного, масса лиц пройдет перед ним. Большинству он поможет: за год потеряв только шестерых больных, а ведь в день к нему являлось до ста пациентов! О революционных событиях ни полслова. И вдруг понимаешь скрытый пафос этих увлекательных очерков: настоящая жизнь не в кровавой междоусобице, в которой, как показал опыт, у нас не было победивших. Настоящий подвиг и смысл — вот в этой каждодневной потной, каторжной борьбе со смертью за жизни конкретных людей. Юный герой «Записок» — по сути, питомец прежней культуры и прежних ин-

теллигентских норм и идеалов, рядом с которыми новые революционные веяния времени выглядят (по Булгакову) отступлением от элементарной человечности.

Но возле «Записок...», удивительно добрых и бодрых, человеческих и «жизненных», тенью ложится рассказ «Морфий». Те же здесь люди (с другими именами), те же время и место действия, но... История юного врача Полякова, гробящего себя наркотиками, — это ведь тоже из личного опыта автора, едва тогда не сгубившего себя морфием. Словно чуяли люди его круга: прежнее изжито, ну а воздух новой эпохи сожжет их легкие...

Цитаты

«...Ну а если привезут женщину, а у нее неправильные роды? Или, предположим, больного, а у него ущемленная грыжа? Что я буду делать? Посоветуйте, будьте добры. Сорок восемь дней тому назад я кончил факультет с отличием, но отличие само по себе, а грыжа сама по себе».

«Горло поднялось из раны, фельдшер, как мелькнуло у меня в голове, сошел с ума: он стал вдруг выдирать его вон... Я поднял глаза и понял, в чем дело: фельдшер, оказывается, стал падать в обморок от духоты и, не выпуская крючка, рвал дыхательное горло».

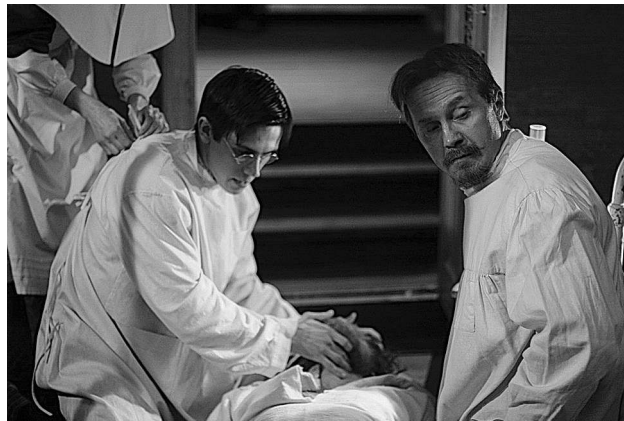
«Они, доктор, ведь как делают. Съездит такая артистка в больницу, выпишут ей лекарство, а она приедет в деревню и всех баб угостит».

«Ах, я убедился в том, что здесь сифилис тем и был страшен, что он не был страшен».

«Смерть от жажды райская, блаженная смерть по сравнению с жаждой морфия».

Экран откликнулся

По этим двум произведениям Булгакова снят в 2008 г. один из лучших фильмов Алексея Балабанова «Морфий» (сценарий С. Бодрова-младшего). В главных ролях: Л. Бичевин, И. Дапкунайте, А. Панин, С. Гармаш.

«Морфий», 2008 г.

Герой революционного времени

А. А. Фадеев **«Разгром»**

В 4 года Александр Фадеев самостоятельно научился читать, в 18 ушел на фронты гражданской войны (жил он тогда на Дальнем Востоке), а в 25 лет написал свой лучший роман, который сделал его классиком молодой советской литературы. Если вы хотите представить себе, что такое советский роман и как выковывался фирменный «советский характер», — прочтите «Разгром» Фадеева. Роман 1925 — 26 гг., в отличие от многих позднейших текстов Фадеева, живой и поныне. И очень острый.

Свою книгу Фадеев сначала хотел назвать «Враги». Потому что для него самым важным была здесь даже и не история про красный партизанский отряд Левинсона, который сражается с белыми и японцами и с огромными потерями вырывается из окружения. Главным для автора было противостояние двух типов личности: человека, пусть и диковатого, но с сильным и добрым характером, «бойца» (таков здесь шахтер-партизан Морозка, герой времени) — и «нюни», который всегда склонен к предательству (это, совершенно в духе революционной идеологии, представитель «гнилой интеллигенции» Мечик). А если между ними встала женщина, и женщина любит за чем-то «нюню»... Чем не гражданская война в отдельно взятом любовном треугольнике?

Логика любой гражданской войны жестока, это схватка и характеров, и жизненных философий, даже если сами герои философию не учили. Автор воспринимает своего героя Морозку и его товарищей именно так: они вносят в жизнь новое, пока корявое, но, безусловно, здоровое и честное, справедливое начало, и ощущение своей праведности делает их героями. Превенная же культура с ее мягкотелым интеллигентским гуманизмом-либерализмом казалась автору изжившей себя. И в этом плане Фадеев в чем-то продолжает поэму Блока «Двенадцать».

Цитаты

«Морозка не любил чистеньких людей. В его жизненной практике это были непостоянные, никчемные люди, которым нельзя верить».

«С каждым его шагом чувство виновности в Мечике росло, радость улечувивалась, он смотрел на Морозку малодушными, уходящими внутрь глазами и не мог оторваться».

« — Совесть моя где?! — кричал Морозка в ответ на вопрос Мечика, где у него совесть. — Вот она где, совесть — вот, вот! — рубил он с остервенением, делая неприличные жесты».

«Мне ничего, ничего не нужно, — думала она, сразу повеселев, — лишь бы он только хотел и любил меня, лишь бы он возле был...»

«Левинсон обвел молчаливым, влажным еще взглядом это просторное небо и землю... — и перестал плакать; нужно было жить и исполнять свои обязанности».

Экран откликнулся

В 1931 г. вышел фильм «Разгром» режиссера Н. Берсенева. В главных ролях: И. Юдин, П. Савин.

В 1958 г. был снят фильм «Юность наших отцов», в его основе роман Фадеева. Режиссеры Михаил Калик, Борис Рыцарев. В главных ролях: Г. Юматов, И. Выходцева, Н. Крючков.

«Юность наших отцов», 1958 г.

Становление «советского характера»

Н. А. Островский **«Как закалялась сталь»**

В одном музее хранится издание этой книги, разодранное пулей. Боец носил книжку в нагрудном кармане, и она спасла ему жизнь.

Удивительное дело: культовым для нескольких поколений в нашей стране стало произведение, написанное, по сути, любителем. В нем участник гражданской войны Николай Островский, скрывший себя за героем Павкой Корчагиным, рассказал о своей жизни: о бедном детстве, о любви к девушке из другого круга, о своем участии в гражданской войне, о болезни, приковавшей его на многие годы к постели. И эта безыскусная история нашла отклик даже у западных интеллектуалов. «Вы составляете одно целое с вашим великим воскресшим и освобожденным народом, вы сочетаетесь с его могучей радостью и неудержимым порывом. Вы — в нем, он — в вас», — писал автору нобелевский лауреат Ромен Роллан.

Конечно, советская пропаганда сделала все, чтобы отвергнутый, было, издательством роман стал именно культовым в СССР. Дело, впрочем, не в одной пропаганде: жизненный путь-подвиг Павки Корчагина приняли близко к сердцу и повторили не только в нашей стране. Книга Островского, кажется, стала первой в 20 веке у нас, где сама жизнь «хлеще» любой писательской фантазии.

Можно и нужно делать скидку на время, на его иллюзии, ошибки и заблуждения, роман ведь написан в 1930 — 34 гг. Но магия подлинности чувствуется здесь на каждой странице. Может быть, она увлечет и вас.

Цитаты

«Она с трудом узнала в оборванце Корчагина. В рваной истрепанной одежде и фантастической обуви, с грязным полотенцем на шее, с давно не мытым лицом стоял перед ней Павел. Только одни глаза с таким же, как прежде, незатухающим огнем. Его глаза. И вот этот оборванец, похожий на бродягу, был еще так недавно ею любим. Как все переменялось!»

«Самое дорогое у человека — это жизнь. Она даётся ему один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жёг позор за подленькое и мелочное прошлое, чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества. И надо спешить жить. Ведь нелепая болезнь или какая-либо трагическая случайность могут прервать её».

«Судьба книги решала судьбу Павла. Если рукопись будет разгромлена, это будут его последние сумерки. Если же неудача будет частичной..., он немедленно начнет новое наступление».

Экран откликнулся

В 1942 году книгу экранизировали. Исполнитель главной роли актёр В. Перист-Петренко сразу после съёмок в фильме ушёл на фронт и в этом же году погиб.

В 1957 году Владимир Наумов и Александр Алов сняли фильм «Павел Корчагин», в которой главного героя сыграл В. Лановой.

В 1973 году Николай Мащенко создал шестисерийный телефильм «Как закалялась сталь», в котором образ Корчагина воплотил на экране В. Конкин. Павка в исполнении Конкина отличался от прежних экранных Корчагиных бóльшим лиризмом, романтичностью и интеллигентностью. В 1975 году под тем же названием «Как закалялась сталь» вышла также киноверсия этого фильма.

В 2000 году 20-серийный телевизионный фильм «Как закалялась сталь», снятый китайскими кинематографистами на Украине, был признан в Китае лучшим сериалом года. В роли Корчагина снялся украинский актёр А. Саминин.

«Павел Корчагин», 1957 г.

Крах революционных иллюзий
и поиски нового идеала

А. А. Платонов
«Счастливая Москва»

Тему незаконченного романа Андрея Платонова «Счастливая Москва» (1932 — 34 гг.) можно обозначить так: творящий эрос революции.

Героиня его, любвеобильная и героическая девушка Москва Честнова — парашютистка, метростроевка, чиновница и после всего, вероятно, бомжиха. Москва Честнова — собственно, и есть случайно вошедший в прекрасную женскую плоть дух революции, который бессмертен, хоть и летуч. Не только Москва, но и безответно влю-

бленный в нее «гений мер и весов» Семен Сарториус и все прочие любимые и любовники (в числе которых оказываются экземпляры порой курьезные) не находят удовлетворения в столь легкой здесь и столь частой телесной близости. Лоно своей героини Платонов осмысляет как целый космос, ненасытимый и таинственный.

Да, как всегда, Платонов нарочитым языком корявого лозунга говорит о смыслах космических. Текст создает у читателя ощущение бескрайнего пространства, залитого лучами рассвета (образ просторной зари, излюбленный сталинской пропагандой), но пространства совершенно пустынного, эдакого гуляй-поля беспокойной и безпризорной мечты. И все же это не роман-отчаяние,

это не только роман-расставание с юношескими мечтаниями, но и роман-встреча с реальной жизнью, столь же значительной и гораздо более серьезной, «потому что человек еще не научился мужеству непрерывного счастья — только учиться».

Герои романа тоже лишь учатся быть счастливыми. Потерявшая ногу красавица Москва растворяется в просторах романа, а главный ее поклонник Сарториус превращается в грустного обывателя Ивана Степановича Груняхина.

Странная смесь мечтательности, самой черной иронии и просветленной вдруг мудрости — вот что такое этот роман.

Цитаты

«Но теперь! Теперь необходимо понять все, потому что либо социализму удастся добраться во внутренность человека до последнего тайника и выпустить оттуда гной, скопленный каплями во всех веках, либо ничего нового не случится и каждый житель отойдет жить отдельно, бережно согревая в себе страшный тайник души, чтобы опять со сладострастным отчаянием впиться друг в друга и превратить земную поверхность в одинокую пустыню с последним плачущим человеком».

«Самое сильное — это что-нибудь обыкновенное».

«...улыбающийся, скромный Сталин сторожил на площадях и улицах все открытые дороги свежего, неизвестного социалистического мира, — жизнь простиралась в даль, из которой не возвращаются».

Гуманно ли новое общество?

П. Ф. Нилин
«Жестокость»

Эту повесть Павел Нилин написал в 1956 году, когда стало возможным критиковать культ личности Сталина, а заодно и говорить нелицеприятную правду об «органах». В юности Павел Нилин сам служил в угрозыске. Впечатления тех лет и легли в основу повести.

Итак, начало 1920-х годов, глухой сибирский городишко Дудари. Главный герой повести — комсомолец Венька Малышев, зам. начальника местного угрозыска. «Аккуратный, как птичка», — аттестует его квартирная хозяйка. Но Малышев — чистюля не только в быту. Он искренне верит в людей, в доброе начало в них. Он сам чистый и честный человек, человек будущего, как мыслился он энтузиастами революции, герой новой России. Когда в руки оперативников попадает один из бандитов, Малышев решает, что тот — заблудившийся человек, которого можно перевоспитать. Но «опытное» начальство придерживается другого мнения... Да и методы борьбы с бандитами вполне себе практикуются здесь бандитские.

В повести звучит чуть ли не главная тема хрущевской «оттепели»: спор между доверием к людям и равнодушной жестокостью системы. В конечном счете, доверие к людям, гуманность и моральная чистота воспринимаются автором и его любимым героем как та необходимость, без которой новый мир невозможен, без которой революция теряет свой смысл. Для Веньки Малышева все кончится трагически, не вынесет его душа контраста между революционным идеалом утверждаемой человечности и практикой «низкой жизни».

А что было б с самим Венькой, прослужи он в органах еще этак с десяток лет?..

И еще: Павел Нилин — хороший «фактурщик»: быт эпохи и ее типажи передает он точно и сочно.

Цитаты

«В коридоре на зеленой садовой скамейке с выгнутыми чугунными лапами сидели по утрам, пригорюнившись, как на приеме у зубного врача, свидетели и воры в ожидании вызова на допрос».

«Венька жил искренним убеждением, что все умные мастеровые люди, где бы они ни находились, должны стоять за Советскую власть. И если они почему-то против Советской власти — значит, в их мозгу есть какая-то ошибка. Он считал, что и Лазаря Баукина запутали, задурили ему голову разные белые офицеры».

Экран откликнулся

«Жестокость» (1959 г.) — криминальная кинодрама режиссёра Владимира Скуйбина по мотивам одноимённого произведения П. Ф. Нилина, один из лучших советских фильмов, в котором снялись звезды того времени Г. Юматов, Б. Андреев, Н. Крючков.

«Жестокость», 1959 г.

Нравственный выбор и революция

Б. Л. Васильев
«Завтра была война...»

Почему «завтра» — «была»? Потому что, погружаясь из 1972 года (года написания повести) в далекую свою юность, автор-рассказчик знает, как буквально завтра сложится жизнь его друзей-одноклассников. Из их девятого класса суждено будет погибнуть многим и многим. Но память упорно возвращает его к предвоенному времени и к истории первой потери в их классе: красавица Вика Люберецкая добровольно уходит из жизни. Как это могло случиться в мире, который казался ребятам

из их 9-го таким налаженным, таким светлым? Вон даже хулигана Сашку Стамескина активистка Искра Полякова наставила на путь истинный. В их школе замечательный директор, и хотя не повезло ребятам с их классной, грубой и фанатичной, но ведь и она, в сущности, не злая, а тупенькая, и тоже желает только добра. И даже если завтра будет война, она случится на чужой территории и будет одержана непременно победа и непременно же малой кровью!..

На сегодняшний вкус, герои повести слишком прямолинейны, наивны, но они мужают на глазах и в конце концов отстаивают право на свою веру, на свое видение жизни, превращая арестованного отца Вики («врага народа»!) в героя — поступок по тем временам отчаянной смелости.

В одном интервью писатель заметил, что его поколение жило с ощущением: завтра будет война; нынешние молодые живут в убеждении — войны точно не будет. Но если мы заблуждаемся, как заблуждались насчет «малой крови» герои Б. Л. Васильева? И если мы только допустим мысль, что заблуждаемся — быть может, герои его повести покажутся нам и ближе, и интересней...

Цитаты

«Три года назад сделала она это страшное открытие: мама несчастна и одинока. Сделала случайно, проснувшись среди ночи и услышав глухие, стонущие рыдания. В комнате было темно, только из-за шкафа, что отделял Искоркину кровать, виднелась полоска света. Искра выскользнула из-под одеяла, осторожно выглянула. И обмерла. Мать, согнувшись и зажав голову руками, раскачивалась перед столом, на котором горела настольная лампа, прикрытая газетой».

«— Он говорит, что мещанство — это такое состояние человека, когда он делается рабом незаметно для себя. Рабом вещей, удобств, денег, карьеры, благополучия, привычек. Он перестает быть свободным, и у него вырабатывается типично рабское мировоззрение. Он теряет свое «я», свое мнение, начинает соглашаться, поддакивать тем, в ком видит господина. Вот как папа объяснял мне, что такое мещанство как общественное явление. Он называет мещанами тех, для кого удобства выше чести».

«— Нет, в том! — резко крикнула Искра. — Как удобно, когда все вокруг старики! Все будут держаться за свои больные печенки, все будут стремиться лишь бы дожить, а о том, чтобы просто жить, никому в голову не придет. Не-ет, все тихонечко доживать будут, аккуратненько доживать, послушно: как бы чего не вышло. Так это все — не для нас! Мы — самая молодая страна в мире, и не смей становиться стариком никогда!»

«Искра. Искра Полякова, атаман в юбке, староста 9 «Б», героиня подполья, живая легенда, с которой я учился, спорил, ходил на каток, которую преданно ждал у подъезда, когда с горизонта исчез Сашка Стамескин, первая любовь Искры. И последняя: у Искры не могло быть ничего второго. Ни любви, ни школьных отметок, ни места в жизни. Только погибнуть ей выпало не первой из нашего класса: первым погиб Артем».

Экран откликнулся

В 1987 г. фильм «Завтра была война» по повести Б. Васильева стала дипломной работой молодого Юрия Кары. В фильме снялись звезды и звездочки разных поколений: С. Никоненко, Н. Русланова, В. Алентова, И. Чериченко, Н. Негода и др. Фильм был признан бесспорной удачей авторов.

Люди новой и старой России

В. П. Катаев
«Уже написан Вертер»

«Был В. Катаев (молодой писатель). Цинизм нынешних молодых людей прямо невероятен. Говорил: «За сто тысяч убью кого угодно. Я хочу хорошо есть, хочу иметь хорошую шляпу, отличные ботинки...» (Иван Бунин, «Окаянные дни», запись начала 20-х).

С годами Катаев стал одним из крупнейших и вроде бы преданнейших советскому официозу писателей. Но где-то с середины 50-х он ломает свой стиль, предпочтя писать, как память велит. А память велела не забывать тех страшных дней на исходе гражданской войны, когда он оказался белым офицером, участвовал в белогвардейском заговоре, попал в подвалы Одесской ЧК, и лишь чистая случайность спасла его от расстрела. Повесть «Уже написан Вертер» (1979 г.) — об этом. Ее герои — художник-любитель Дима, участник заговора, и его жена Инга, агент ЧК, предавшая его, а по-

сле сама расстрелянная. Погибнет и тот, кто казнит ее. А вот Дима выживет, эмигрирует, но и он умрет в больничке ГУЛАГа уже после Великой Отечественной войны.

Рассказчик здесь, в отличие от героев, знает все наперед и искусно тасует эпизоды, создавая атмосферу эпохи и заражая жаждой жизни нас — жизни, которой в любой миг можешь лишиться.

Автор явно вступает в спор с героями фадеевского «Разгрома»: люди «новой России» бесчеловечны, аморальны, трусливы. Но прекрасные люди прежней России беспомощны перед ними. И значит, да — все-таки всеми движет «судьба»! Но в 1979 году она уже подкапывалась и под затянувшийся «советский эксперимент».

Цитаты

«Пространство сновидения, в котором он находится, имело структуру спирали, так что, отдаляясь, он приближался, а приближаясь, отдалялся от цели. Улитка пространства».

«Четверо голых один за другим входили в гараж, и, когда вошла женщина, можно было заметить, что у нее широкий таз и коротковатые ноги, а в облике четвертого, в его силуэте, действительно что-то сохатое. Они были необъяснимо покорны, как все входившие в гараж».

«Как прекрасен, свободен и необъятен был мир, который у него отнимут».

«Стрелка весов колебалась, как жизнь, и маленькие клейменные гирьки мал мала меньше стояли как дети, возле весов, наблюдая за действиями Кейлиса и восхищаясь, как безошибочно точно он оперирует с продуктами, отпущенными революцией для своих граждан...»

Взгляд потомка

В. В. Пелевин
«Чапаев и Пустота»

Наверно, сейчас не совсем понятно, почему первые читатели этого, возможно, главного романа Пелевина, тогда, в 1996 г., помирали со смеху. Но в позднесоветские времена анекдоты о Чапаеве, Петьке и Анке были едва ли не самым популярным фольклором. Народ забористо потешался над истлевшим революционным мифом, и надо быть большим провокатором, чтобы сделать Чапая и Петьку казарменных анекдотов героями интеллектуального романа, приобщить их к духовной традиции буддизма, к философии Витгенштейна, к психологии Юнга и вообще сляпать увлекательную окрошку из культурных кодов чуть ли не всего 20 века, от декадентов «серебряного века» до бандюганов лихих 90-х.

А вот Пелевин это все сделал, и местом действия его романа, естественно, стала дурка. Здесь лечатся, а точнее, предаются своим фантазиям четверо сумасшедших: Петр Пустота, полагающий себя

поэтом-декадентом начала 20 века и сподвижником легендарного Чапая (тот становится и наставником Пустоты в буддизме); некто Сердюк, который участвует в сваре двух средневековых японских кланов; Мария («Просто Мария» — популярный у нас в середине 90-х мексиканский сериал), у которой якобы роман с самим Шварцнеггером; и бандюган Володин, у которого, ясен корень, свои разборняки по жизни идут. Каждый пребывает в своем мире и покидать его не хочет ради мира реального.

Заинтригованный читатель будет пробиваться в этом лабиринте к разным очевидным и не очень истинам, главная из которых — Россия за сотню лет повторяет все тот же цикл своих исканий: с Западом ли она (Мария) или с Востоком (Сердюк), с высокой ли духовностью (Пустота) или с откровеннейшей уголовщиной (Володин). И как почти сто лет назад, черт знает, чем сердце ее успокоится.

Конечно, роман Пелевина — игра, и все серьезное здесь подается (и восприниматься должно бы) с улыбкой. Возможно, сцены из времен гражданской войны вам покажутся чересчур книжными. Зато реалии 90-х весомы и узнаваемы, и автором, кажется, ненавидимы жгуче. Главное, этот роман претендует на то, чтобы разбудить мысль читателя, и делает все, чтобы пробуждение было «с улыбкой на устах».

Цитаты

«Представь, что твой внутренний прокурор тебя арестовал, все твои внутренние адвокаты облажались, и сел ты в свою собственную внутреннюю мусарню. Так вот вообрази, что при этом есть кто-то четвертый, которого никто никуда не тащит, которого нельзя назвать ни прокурором, ни тем, кому он дело шьет, ни адвокатом. И не урка, и не мужик, и не мусор. Так вот этот четвертый и есть тот, кто от вечного кайфа прется».

«Движение — все, конечная цель — ничто»

«Из семнадцатой образцовой психиатрической больницы убегает сумасшедший по фамилии Пустота. Времени для побега нет, и он про это знает. Больше того, бежать некуда, и в это некуда нет пути. Но все это пустяки по сравнению с тем, что того, кто убегает, Нигде и никак не представляется возможным найти».

Россия: 1940-е годы

«Сороковые, роковые» — лаконичней Давида Самойлова никто не назвал время Великой Отечественной войны. «Рок», судьба: и смерть, и жизнь, и победа, и неволя — вся трагическая полнота бытия обрушилась на «граждан СССР» 22 июня 1941 г. И сколько же разных ликов войны отразились в зеркале литературы! Горечь потерь, но и убежденность в победе — в стихах и прозе военных лет; несколько фальшивый, золоченый пафос сталинских триумфальных од конца 40-х; очень честная, правдивая, хотя и не всегда поднимающаяся к большим обобщениям «лейтенантская проза» времен «оттепели» (вторая половина 50-х — 60-е гг.); проблемы нравственного выбора, так обострившиеся в литературе 70-х — в литературе, полной духовных исканий и все больше душевной смуты...

В наше время не только литераторы, но и историки ломают копья вокруг, казалось бы, беспроblemно пафосной темы «ВОВ». Память о ней уже не столь остра с течением лет, у новых поколений — «свои» войны, не такие бесспорно праведные. И все равно, Великая Отечественная остается главным событием 20-го века в нашей стране, непроходящей болью, которой мы все же хотим гордиться.

Ратный подвиг народа.
Самый страшный год войны

К. Д. Воробьев
«Убиты под Москвой»

Повесть рассказывает об одном из самых тяжелых эпизодов войны. Ноябрь 1941 г., оборона Москвы. Учебная рота кремлевских курсантов брошена на фронт. Эти наши лейб-гвардейцы (рост всех строго сто восемьдесят шесть см) плохо вооружены. Те, кто должен бы символизировать парадную мощь армии, обречены, по сути, как было обречено державшее здесь до них оборону разношерстное московское ополчение. Да, они проявят необычайный героизм и то, что так ценно на войне — точный расчет. Но почти всем им придется погибнуть, а их командир в отчаянии покончит с собой. Но из его только что отрытой могилы вослед немецкому танку встанет главный герой повести лейтенант Алексей Ястребов, словно воскреснет из мертвых.

Повесть К. Воробьева написана в 1960 г. Она стала одним из главных произведений так называемой «лейтенантской прозы». Героика ратного подвига в ней явно с привкусом крови и с окопной грязью под ногтями. Но главное здесь — те чудовищные, непреодолимые ситуации, нравственные и житейские, в которых оказывается на фронте «маленький человек войны»: солдат, курсант, младший командир.

Цитаты

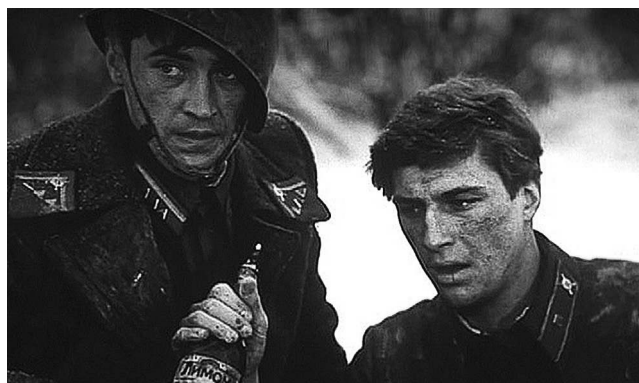
«Они [немцы] словно никогда не знали или же напрочно забыли о неизъяснимом превосходстве своих игрушечно-великолепных автоматов над русской «новейшей» винтовкой и, судорожно прижимая их к животам, ошалело били куда попало».

«Далеко впереди беззвучно и медленно в небо тянулись от земли огненные трассы, и Алексей шел к ним. Он ни о чем отчетливо не думал, потому что им владело одновременно несколько чувств, одинаково равных по силе, — оторопелое удивление перед тем, чему он был свидетелем в эти пять дней, и тайная радость оттого, что остался жив; желание как можно скорее увидеть своих и безотчетная боязнь этой встречи; горе, голод, усталость и ребяческая обида на то, что никто не видел, как он сжег танк...»

Экран откликнулся

В 1983 г. маститый советский кинорежиссер Алексей Салтыков снял фильм «Экзамен на бессмертие», положив в основу сценария повести Воробьева «Крик» и «Убиты под Москвой». Фильм отличается некоторая пафосность. В главных ролях: А. Алешин, А. Казаков, Д. Матвеев.

В 1990 г. Александр Итыгилов снял фильм «Это мы, Господи!..» — по повести «Убиты под Москвой», хотя для названия использовал название другого произведения Воробьева. Трагизм ситуации здесь усилен даже по сравнению с литературным текстом. В фильме снялись В. Ивашов и Л. Дуров.

К/ф «Экзамен на бессмертие», 1983 г.

В тылу врага

А. А. Фадеев
«Молодая гвардия»

В середине февраля 1943 года после освобождения Краснодона советскими войсками из шурфа шахты были извлечены десятки искалеченных трупов подростков. Это были члены подпольной организации «Молодая гвардия», которая несколько месяцев держала оккупантов в страхе и погибла в результате предательства одного из участников. Эта история легла в основу романа А. Фадеева «Молодая гвардия» (1946 г.).

Писатель был близок к правде жизни, он рассказал о том, как ребята самоорганизовались в подпольную партизанскую группу, как терроризировали фашистов и их пособников. Какой пример советского патриотизма! Но автор получил нагоняй от самого Сталина: где в романе руководящая роль партии?

Пять лет послушный Фадеев переписывал роман, горько шутя, что переделывает молодую гвардию на старую. Новая редакция вышла в 1951 году и, хотя была идеологически теперь «правильна», оказалась еще дальше от подлинных событий в Краснодоне осени-зимы 1942/43 гг.

«Молодая гвардия» стала культовым произведением советского официоза. Добротная работа Фадеева, местами по-настоящему поэтически сильная, сохраняет свое обаяние по сей день. Герои книги: рассудительный Олег Кошевой, озорной Сережка Тюленин, благородная Ульяна Громова, артистически яркая Любка Шевцова, — конечно, они очень не похожи на наших современников, да и с прототипами так ли уж совпадают? Разумеется, автор идеализирует и романтизирует своих героев, словно пытаясь подарить

им как можно больше красоты жизни, которая так рано для них закрылась.

Фадеев всегда подчеркивал: он пишет не документальную, а художественную прозу, где всегда есть место вымыслу. Тем не менее, его «Молодая гвардия» стала документом эпохи — и той, что ее вдохновила, и той, что ее создала.

Цитаты

«Мужчина прильнул лицом к стеклу. И Любка узнала это лицо. И точно горячая волна хлынула ей к горлу. Надо же было, чтобы он появился именно сейчас, здесь, в такую пору, в самую тяжелую минуту жизни!..»

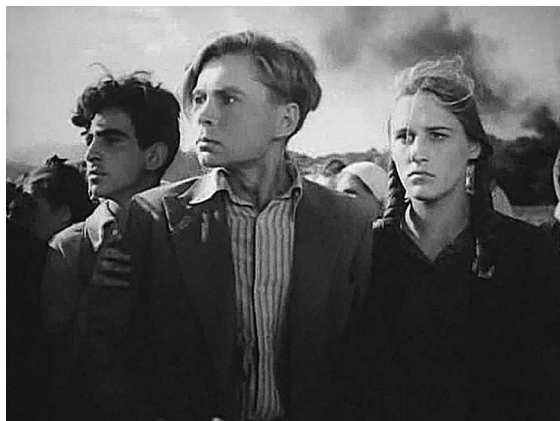
«Стояла свежая, безлунная, звездная ночь ранней южной осени. Ребята лежали под правым крутым берегом реки... Они дождались полуночи, когда произойдет смена караула. Так была таинственна и прекрасна эта ночь ранней осени..., что каждый из ребят не мог отделаться от странного чувства: неужели они должны будут... вступить в борьбу с немецким часовым, с какими-то проволочными заграждениями, запорами?»

«Жалкий, он не знал, что, выдав Тюленина, он вверг себя в пучину еще более страшных мучений, потому что люди, в руках которых он находился, знали, что они должны сломить его до конца именно теперь, когда он проявил слабость».

Экран откликнулся

В 1948 г. вышел двухсерийный фильм Сергея Герасимова. В основе его — первая, «крамольная», редакция романа. Музыка к фильму написал Д. Д. Шостакович.

В фильме снялись тогдашние и будущие звезды советского экрана: И. Макарова, Н. Мордюкова, В. Тихонов, Т. Носова, С. Бондарчук и другие. Фильм признан классикой советского кинематографа.

«Молодая гвардия», 1948 г.

Участь пленных

К. Д. Воробьев
«Это мы, Господи!..»

Удивительна судьба этой повести и ее автора. Написал ее 25-летний человек, написал в подполье (1943 г.). Написал о только что им пережитом и, пожалуй, о самом тяжелом и горьком, что могло выпасть на долю нашего бойца на войне: о нахождении в немецком плену. Воробьев попал в плен и дважды, как и герой повести лейтенант Сергей Костров, бежал. Правда, во второй раз Воробьеву повезло больше: его не поймали, он ушел в подполье, организовал партизанский отряд. Свою повесть автор послал в редакцию журнала «Новый мир», где она затерялась и была опубликована лишь через 11 лет после смерти автора (в 1986 г.)

Повесть страшная, как, ясное дело, страшны война и неволя. И еще: здесь очень важен «гул времени», то чисто энергетическое жгущее ощущение точности чувств и мыслей, и быта именно этой эпохи, которое делает произведение как бы репортажем с места события. Для Сергея Кострова враги — нелюди, как нелюдьями для немцев и полицаев были и советские военнопленные.

И вот интересный штришок, явно ведь не придуманный автором: даже в вонючем бараке завшивевшие красные командиры обращаются друг к другу на «вы»!..

Цитаты

«На тринадцатые сутки умышленного мора голодом людей немцы загнали в лагерь раненую лошадь. И бросилась огромная толпа пленных к несчастному животному, на ходу открывая ножи, бритвы, торопливо шаря в карманах хоть что-нибудь острое, способное резать или рвать движущееся мясо. По образовавшейся гигантской куче людей две вышки открыли пулеметный огонь... А когда народ разбежался к баракам, на месте, где пять минут тому назад еще ковыляла на трех ногах кляча, лежала груда кровавых, еще теплых костей и вокруг них около ста человек убитых, задушенных, раненых...»

«Девяносто восемь человек остались в долине и с ними лишь пять конвоиров! Если б они сыпанули в стороны... Не больше сорока убитых, а остальные и мы...» — думал Сергей, чувствуя приближение смерти».

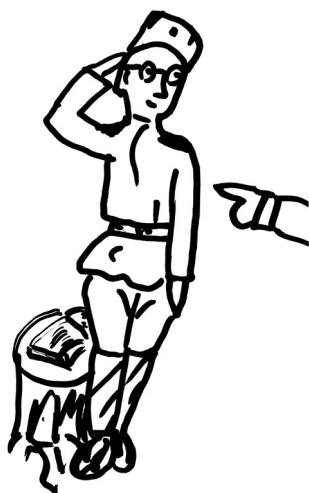
«В середине самого интересного разговора, как это казалось Сергею по интонациям, один из гестаповцев быстро повернул голову к Сергею и сказал:

— Садись, товарищ!»

Война сквозь очки интеллигента.
Фронтовые будни

Б. Ш. Окуджава
«Будь здоров, школяр!»

Булат Окуджава попал на фронт в 17 лет. Он был минометчиком, под Моздоком его ранило. Собственно, эта безыскусная, похожая на записи огрызком карандаша в школьной еще тетрадке, на коленке, на горячем передке орудия повесть — о тех днях. Очень важная деталь: герой повести — книжный московский мальчик, этакий «ботаник», совершенно не приспособленный даже к «простой» мирной жизни. А здесь!.. Он постоянно попадает в ситуации комические, трагические и трагикомические, и диву даешься, как жив остается.

Кровь и потери, первая любовь и постоянная угроза собственной жизни, — все, как оно и должно быть в прозе о войне. И если чем выделяется первый прозаический опыт барда (1961 г.) из общего ряда «лейтенантской прозы» тех лет — это совершенно четкой установкой на отсутствие всякой пропаганды. Пропаганда здесь одна: образ главного героя, который просто какой-то «анти-солдат» по душевному складу. Наверно, так — безо всяких идеологических подпорок, лишь как данность смертельной опасности лично себе и своим то-

варищам — воспринимают войну те, кто оказался на передовой в других войнах, смысл которых был для рядового бойца не так уж и ясен (Афган, Чечня).

Это очень антивоенная повесть и очень она... «сегодняшняя».

Цитаты

«Моздокская степь. Идёт война с фашистской Германией. Я — боец, миномётчик. Я москвич, мне восемнадцать лет, второй день на передовой, месяц в армии, и я несу командиру полка «очень ответственный пакет». Где этот командир — неизвестно. А за невыполнение задания — расстрел. Кто-то силой втягивает меня в окоп. Объясняют, что ещё сто метров, и я нарвался бы на немцев. Меня ведут к командиру полка. Тот читает донесение и просит передать моему командиру, чтобы таких донесений больше не посылал».

«Вчера приходила Нина, «красивая связистка», она замужем. «А ты совсем ещё малявка, да?» — спросила она. Придёт Нина сегодня или нет?»

«В барак вносят новых раненых. Один из них злой, из миномётной. Он говорит, что все наши убиты: и Коля, и Сашка, и комбат. Он остался один. «Врёшь ты все», — кричу я. «Врёт он», — говорит кто-то. «Ты не слушай, — говорит сестра. — Он ведь не в себе». — «Наши вперёд идут», — говорю я. Мне хочется плакать и не от горя. Плачь. У тебя неопасная рана, школяр. Ты ещё поживёшь».

Экран откликнулся

Мотивы повести встречаются в культовом фильме Владимира Мотыля «Женя, Женечка и «катюша» (1967 г.) с О. Далем в главной роли.

Женщина на войне

Б. Л. Васильев

«А зори здесь тихие...»

В основе повести — реальный подвиг группы из семи советских бойцов. Но приступая к работе в 1969 г., Борис Васильев переделал сюжет: сражаться будут не просто солдаты, ведь тогда он опишет относительно рядовой эпизод, а девушки! Женщинам труднее всего на войне. «Их на фронте было 300 тысяч! А тогда никто о них не писал» (Б. Васильев).

Итак, на незаметный участочек фронта в болотах Карелии к старшине Васкову прибывает группа девушек-зенитчиц, ведь старшина и просил бойцов не пьющих и не гулящих. Какие же они разные, эти девушки! Красавица Женя Камелькова и совсем заморыш Галя Четвертак (по росту и фамилию в детдоме дали), простая деревенская девчушка Лиза Бричкина и образованная, знающая немецкий Соня Гурвич. Среди них выделяется взрослостью Рита Осянина, ведь у нее уже сын. И все равно они такие еще юные, такие, невзирая на грязь войны, чистые и женственные! И всем им придется погибнуть в этих карельских лесах. Короткая жизнь каждой — как вспышка, которая выхватывает из темноты целый мир, мир возможного (каждый раз своего) счастья.

Из группы уцелеет лишь старшина Васков. Он и расправится с фашистами. Здесь Васильев делает очень важный смысловой акцент, вроде и очевидный, но за громом победных маршей его еще надо было глубоко осознать: война — не только сражения и подвиги, война — это убийство, гибель жизни.

Цитаты

«Они даже простились не за руку: просто кивнули друг другу, и все. Лейтенант уехал на заставу и каждую субботу писал ей очень короткое письмо. А она каждое воскресенье отвечала длинным. Так продолжалось до лета: в июне он приехал в городок на три дня, сказал, что на границе беспокойно, что отпусков больше не будет и поэтому им надо немедленно пойти в загс».

«— У вас здоровый коллектив, Маргарита Степановна. Женщины на фронте, сами знаете, — объект, так сказать, пристального внимания. И есть случаи, когда не выдерживают».

«Лизе казалось, что он улыбается. Злилась, ненавидела его и себя и сидела. Она не знала, зачем сидит, как не знала и того, зачем шла сюда. Она почти никогда не плакала, потому что была одинока и привыкла к этому, и теперь ей больше всего на свете хотелось, чтобы ее пожалели. Чтобы говорили ласковые слова, гладили по голове, утешали и — в этом она себе не признавалась — может быть, даже поцеловали. Но не могла же она сказать, что последний раз ее поцеловала мама пять лет назад и что этот поцелуй нужен ей сейчас как залог того прекрасного завтрашнего дня, ради которого она жила на земле».

«Огромный бурый пузырь вспучился перед ней. Это было так неожиданно, так быстро и так близко от нее, что Лиза, не успев вскрикнуть, инстинктивно рванулась в сторону. Всего на шаг в сторону, а ноги сразу потеряли опору, повисли где-то в зыбкой пустоте, и топь мягкими тисками сдавила бедра. Давно копившийся ужас вдруг разом выплеснулся наружу, острой болью отдавшись в сердце. Пытаясь во что бы то ни стало удержаться, выкарабкаться на тропу, Лиза всей тяжестью навалилась на шест. Сухая жердина звонко хрустнула, и Лиза лицом вниз упала в холодную жидкую грязь».

«Она не жалела себя, своей жизни и молодости, потому что все время думала о том, что было куда важнее, чем она сама. Сын ее оставался сиротой, оставался совсем один на руках у болезненной матери, и Рита гадала сейчас, как переживет он войну и как потом сложится его жизнь».

«— Что, взяли?.. Взяли, да?.. Пять девчат, пять девочек было всего, всего пятеро!.. А не прошли вы, никуда не прошли и сдохнете здесь, все сдохнете!.. Лично каждого убью, лично, даже если начальство помилует! А там пусть судят меня! Пусть судят!..»

Экран откликнулся

В 1972 г. на экраны вышел двухсерийный фильм Станислава Ростоцкого по этой повести. Зрители назвали его фильмом года, он был номинирован на «Оскар». В главных ролях: А. Мартынов, Е. Драпеко, О. Остроумова и др.

«А зори здесь тихие...», 1972 г.

В 2005 г. в КНР, где вообще любят советскую литературу и советские песни, режиссер Мао Вэйнин снял 19-серийный телефильм (в варианте для нашего зрителя его ужали до 12 серий). В этой экранизации принял участие Б. Васильев, ведь пришлось дописывать многое из того, чего нет в небольшой повести.

«А зори здесь тихие...», 2006 г.

Незаметный герой войны

В. Л. Кондратьев
«Сашка»

Герой этой повести — немудрящий вроде бы деревенский паренек Сашка, незлобивый и обаятельный солдатик. Когда в руки к нему попадает немецкий солдат, Сашка с удивлением обнаруживает: тот такой же парень, такой же он человек, только теперь безоружный. Поэтому Сашка не сможет привести в исполнение приказ командира отправить «фашиста» в расход. С этого эпизода повесть начинается. А дальше — все вроде бы привычное нам в прозе о «ВОВ»: ранение, лету-

чий роман в лазарете (первая — и неудачная — любовь в Сашкиной жизни), потеря боевого товарища, внезапная и нелепая.

Заслуга Кондратьева в том, что он одним из первых у нас громко заговорил о самых горьких, обидных для нас моментах в памяти о войне: о неумелости (на первых порах) командиров, о безалаберности и вороватости снабженцев, о пренебрежении к солдатской жизни и... смерти. Чего стоит, например, такая деталь: немецкий пленный осуждающе покачивает головой, видя неубранные, разлагающиеся тела бойцов. В отношении своих немцы такого не позволяли...

Правда, Кондратьев писал эту вещь еще в очень советские времена (1979 г.) и не на этом делал акцент. Главным для него был образ Сашки — незаметного героя войны. Мы покидаем его в мае 1942 года. Как сложится судьба Сашки, мы из этой повести не узнаем, но мысли его — о жизни после войны. С этой надеждой мы и расстаемся с ним.

Цитаты

«То, что приходится мертвого тела касаться, его не смущало — по-привыкли они к трупам-то. По всей роще раскиданы, на людей уже не похожие. Зимой лица их цвета не покойницкого, а оранжевого, прямо куклы какие, и потому Сашка брезговал не очень. И сейчас, хотя и весна, лица их такими же остались — красноватыми».

«Пахло от немца каким-то чужим запахом: и табаком не таким, и одеждой другой, и даже потом другим...»

« — Именно, — сказал Сашка. — Раз они гады, значит, и мы такими должны быть? Так, что ли, по-твоему?»

«И совсем не думал, что само нахождение тут, в холоде и голоде, без укрытий и окопов, под каждочасным обстрелом, является уже подвигом».

Экран откликнулся

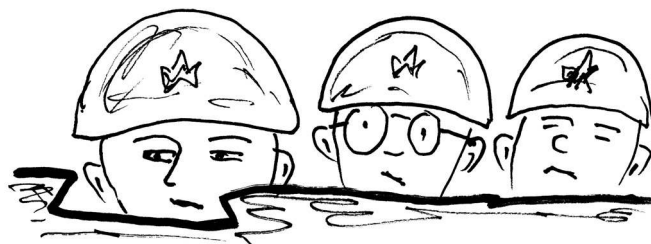
В 1981 г. Александр Сурин снял фильм «Сашка», где главную роль сыграл А. Ташков, а роль пленного немца — Л. Ярмольник.

Горькие лики войны

В. П. Астафьев
«Прокляты и убиты»

Создавая в 1992-94 гг. свою, можно сказать, эпопею, Виктор Астафьев был убежден: всю правду о войне наш народ не хочет помнить и знать. Слишком она страшна, слишком горька и обидна, почему так легко массовое сознание и заменяет ее благообразным мифом. Свою книгу о героях войны он назвал с вызовом, с неприкрытой обидой, упреком. Многие ветераны были возмущены, иные объявили роман Астафьева голимой чернухой. Впрочем, очень многие и поддержали мятежную книгу.

Роман состоит из двух частей. Книга первая — «Чертова яма» — о том, как готовили пополнение, обучая его устарелой шагистике и подвергая испытаниям голодом, холодом, унижениями, словно это не защитники родины, а закоренелые преступники. В этих лагерных условиях мы и знакомимся с большинством героев эпопеи: скромным Лехой Шестаковым, прибалтанным ухarem Булдаковым, добродушным богатырем-старообрядцем Колей

Рындиным, интеллигентным Феликсом Боярчиком. Книга вторая — «Плацдарм» — рассказывает о том, как сложилась судьба каждого на фронте. Здесь, на Великокриницком плацдарме, на пятачке волжского берега, эти незаметные герои войны проявятся каждый неожиданно даже и для себя.

Астафьев, сам участник войны, безогляден не только в описании героической, кровавой и грязной окопной правды, он постоянно перебивает повествование своими оценками, публицистическими «фэ» — главным образом, советскому строю, большевикам, которые разрушили дорогой его сердцу традиционный уклад русской крестьянской жизни. И в этом смысле роман Астафьева — типичная книга из ранних 90-х.

Не знаю, насколько сейчас убедительны зажигательные «вскрики» от автора, но вот характеры и картины, которые создает он рукой мощного художника, блистательный язык, в котором есть место и высокой поэзии, и соленой солдатской шутке, — это да, завораживает.

«Прокляты и убиты» — одно из самых значительных произведений о ВОВ в нашей литературе.

Цитаты

«Это вот особенность нашего любимого крещеного народа: получив хоть на время хоть какую-то, пусть самую ничтожную власть, ... остервенело глумиться над своим же братом, истязать его...»

«Сожгли безоружное ополчение под Москвой, сгубили боеспособные армии под Воронежем и в Сталинграде, с колес, необстрелянных, плохо обученных людей бросая в бой, теперь вот спохватились, уразумели: нельзя так дальше воевать. России может не хватить на многолетнее истребление, всеобщий убой, и она, родимая, не бездонный колодец!»

«Нацизму противостоит большевизм... Странно только, что мораль и гуманизм утверждают разные, методы же их утверждения

одинаковы — во имя лучшей половины нации, худшую, по усмотрению немецких и советских специалистов — на удобрение, в отвал».

«Старые и молодые, сознательные и несознательные,... русские и нерусские — все они кричали одни и те же слова: «Мама! Божечка! Боже!» и «Караул!», «Помогите!..». А пулеметы секли их и секли, поливали разноцветными смертельными струйками. Хватаясь друг за друга, раненые и нетронутые пулями люди связками уходили под воду, река бугрилась пузырями, содрогалась от человеческих судорог, пенилась красными бурунами».

«— В случае чего, дед, я и себя, и врагов взорву!..

— А я куда ж?

— И тебя взорву — все одно без меня пропадешь».

ВОВ — взгляд потомка

И. В. Бояшов
«Танкист, или «Белый тигр»

Ну вот, и дождались! На тему ВОВ теперь пишут и снимают фэнтези, причем вполне себе правомерно готические. Таков и роман питерского писателя Ильи Бояшова.

Итак, после сражения на Курской дуге в подбитом советском танке обнаруживают полуобгоревший труп танкиста. Но труп оживает, получает фамилию Найденов и начинает сражаться, да так, что волосы дыбом встают последовательно у романых немцев, романых русских и у реального читателя. Потому как сражается кадавр, да и руководит действиями танкистов тоже вроде труп генерала Рыбалко (хотя известный полководец умер после войны). И вообще формула К. Симонова «Живые и мертвые» воплощена Бояшовым в густое такое действо, где у мертвеца перед живым всегда преимущество: терять ему нечего...

Герой романа бессмертный погибший танкист Ванька-Смерть, он же майор Найденов, имеет свою сверхзадачу, ведь дела здесь решаются не только в реальном, но и в мистическом плане. Он охотится за «Белым тигром», этаким воплощением германского духа и духа войны. Критик Л. Данилкин пишет: эти потусторонние параллели убеждают, «что война — не столкновение двух экономических систем, а проявление природы вещей; она идет сама по себе, и когда живым не хватает сил, в бой идут мертвые». И еще, из него же: «Эта сжатая, вмертвую сплюснутая до идеальной формы, до поэмы в прозе вещь похожа на шар, который катится за тобой по узкому коридору — шар, занимающий собой столько пространства, что ты не станешь пробовать увернуться от него, а как миленький побежишь до самого конца».

Цитаты

«Немногие избежавшие рабской участи ветераны панцерваффе кусали залатанные локти, с отчаянием наблюдая столь явные (и, без сомнения, граничащие с гениальностью) вариации на тему их доморощенного «блицкрига».

«Но прежде чем окончательно убраться, Призрак явил плачущему от бессилия майору свое наглое великолепие. Замерев в конце просеки, «Тигр» вновь повернул к Найденову башню. У майора последние волосы вскинулись дыбом и брызнул по ободранному лицу, смешавшись с кровью, пот. Однако вместо выстрела обрушилась, словно крыша, невыносимая тишина. Танк казался потусторонним».

Экран откликнулся

В 2012 г. Карен Шахназаров снял фильм «Белый тигр» по мотивам повести Бояшова. Это один из самых высокобюджетных российских кинопроектов последних лет, к тому же и музыку к нему «согласился» написать известный немецкий классик Вильгельм Рихард Вагнер. В главных ролях: А. Вертков, В. Кищенко...

«Белый тигр», 2012 г.

Россия: 1950 — 80-е годы

У писателя В. Сорокина есть рассказ «Ватник». Висит в доме полусгнивший ватник. Злобное и запуганное старшее поколение на него молится, среднее, сытое и ленивое, терпит, а младшее ненавидит, для него эта рухлядь — воплощение убожества жизни вообще. Рассказ из очень поздних советских времен, рассказ-символ несостоявшейся в нашем обществе «преемственности поколений».

Поздние советские времена, вообще говоря, очень пестрые по настрою. Тут вам и хрущевская «оттепель» конца 50-х с ее верой в то, что через двадцать лет построим рай земной, и брежневский сонный вроде бы миролюбивый «застой» (60 — 70-е гг.), завершившийся вводом советских войск в Афганистан, и горбачевская «перестройка» второй половины 80-х, окончившаяся крахом СССР.

Это только для иностранцев советские люди, «совки», были скопищем хмурых, наивных и плохо одетых людей. На самом деле не только каждое поколение имело свое лицо, но и каждый отдельный советский человек словно носил в себе коммуналку из нескольких поколений, из разных слоев убеждений, настроений и устремлений, порой взрывоопасно противоречивых.

В этом разделе мы отказались от формальной подачи материала по датам написания произведений, ведь здесь собраны современники, которые порой писали синхронно, да и то, о чем писали они, для них самих еще не было распахано по полкам эпох.

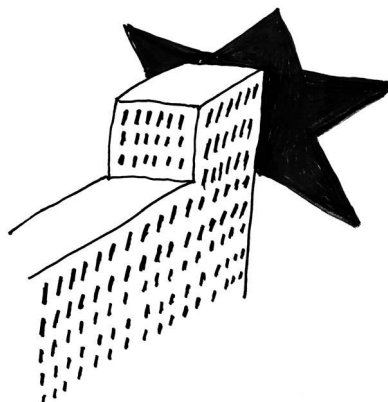
У нас своя логика будет здесь.

Итак, —

Крах утопии о всеобщем равенстве

Ю. В. Трифонов
«Дом на набережной»

Роман начинается с неожиданной встречи. Преуспевающий профессор, абсолютный винер по советским меркам 70-х (роман 1976 г.) Вадим Глебов — Вадька Батон, по-дворовому — узнает в забулдыге-грузчике одноклассника и кумира своей юности Льва Шулепникова. Сорок лет назад, на исходе 30-х, они были соседями. Правда, Шулепников жил в самом элитном доме Москвы — в знаменитом Доме на набережной, а Вадька с родителями и бабушкой теснился в коммуналке неподалеку и, конечно, дико завидовал блестящему другу.

Что же произошло? Почему один поднялся по лестнице социального успеха, а другой, «красный принц», опустился на самое дно? Причина ли в характерах обоих: осторожный, прагматичный Вадька всегда умел встраиваться в изменчивые обстоятельства, а избалованный Лёвка (кстати, гораздо более циничный) в какой-то момент сломался.

В небольшом романе писатель воссоздает почти всю советскую историю: от азартных 20-х до скучных 70-х... Оказалось, принадлежность к советской элите — вовсе не счастливый билет; милости судьбы непрочны и оговорены тягостными условиями. Поколения проходят перед нами, тесня и пожирая друг друга, и в этом чудится

какой-то высший космический закон, который невозможно преодолеть простой человечностью. Или эпоха героям романа выпала больно уж костоломная?.. Но нет, не все можно списать на эпоху: взгляд писателя сверлит человеческую природу до самого нерва...

Собственно, Трифонов во многом опирается здесь на воспоминания своего детства и юности, ведь он тоже жил в Доме на набережной как раз в это время, и меняющийся воздух времени он передает изумительно тонко и достоверно. Да и рассказанная им история явно имеет прототипов в реальности.

Цитаты

«Он был совершенно никакой, Вадик Батон. Но это, как я понял впоследствии, редкий дар: быть никаким. Люди, умеющие гениальнейшим образом быть никакими, продвигаются далеко. Вся суть в том, что те, кто имеет с ними дело, довоображают и дорисовывают на никаком фоне все, что им подсказывают их желания и страхи. Никакие всегда везунчики».

«Нынешние Раскольниковы не убивают старух процентщиц топором, но терзаются перед той же чертой: переступить? И ведь, по существу, какая разница, топором или как-то иначе? Убивать или тюкнуть слегка, лишь бы освободилось место?»

«Что же мы можем, несчастные лилипуты?» — думал Глебов».

«Спустя несколько минут он проезжал мостом через реку, смотрел на приземистый бесформенно длинный дом на набережной с тысячью окон, находил по привычке окно старой квартиры, где промелькнула счастливейшая пора, и грезил: а вдруг чудо, еще одна перемена в его жизни?»

Поколение «оттепели» —
романтика социального становления

В. П. Аксенов **«Коллеги»**

В 1959 г. вышла одна из главных, книг поколения «оттепели» — повесть Василия Аксенова «Коллеги». Трое выпускников питерского — тогда ленинградского — «меда» делают первые шаги в жизни. Они очень разные, эти трое друзей. Благородный очкарик Саша Зеленин отправляется в далекую деревню, совсем в духе старой русской интеллигенции стараясь принести «пользу народу». Веселый дон-жуан Владька Карпов и замкнутый, резкий Алексей Максимов — остаются в Питере. Как многие в их поколении, они мечтают о дальних странах, о кругосветке, о том, чтобы огромный мир открылся им. Нет, точнее бы так: открыл им свои объятия.

Потому что при всех первых сложностях (главным образом, на «любовном фронте») ребята эти удивительно чистые, и мир вокруг них словно весной умыт. Нынче это и раздражает кое-кого (например, известного автора Захара Прилепина). Типа: все эти юношеские мечтанья начала 60-х, максимализм нравственный — сплошное прекраснодушие и понты.

Но Прилепин рос в 90-е. Герои Аксенова — люди другого времени, они еще полны оптимизма. Если не гвозди, то торты бы делать из этих людей!

А впрочем, и гвозди тоже: героям Аксенова предстоят искушение деньгами, угроза со стороны уголовника, один из них окажется на волосок от смерти...

Не все так просто в этой повести. Не просто, зато светло и празднично.

Цитаты

«На каждую котлету, вышедшую из-под её рук, он смотрит как на чудо. Он благоговейно поедает борщи. Инна гордится своей продукцией. Инна счастлива».

«Ночь была сказочной, густо намалёванной чуть подсиненными белилами на чёрном фоне».

«А мы, городские парни, настроенные чуть иронически ко всему на свете, любители джаза, спорта, модного тряпья, мы, которые временами корчим из себя черт знает что, но не ловчим, не влезаем в доверие, не подличаем, не паразитируем и, пугаясь высоких слов, стараемся сохранить в чистоте свои души...»

Экран откликнулся

По роману в 1962 г. снят один из знаковых советских фильмов начала 60-х (реж. Алексей Сахаров). В главных ролях: В. Ливанов, О. Анофриев, В. Лановой, Р. Плятт, И. Любезнов, Т. Семина.

«Коллеги», 1962 г.

Поколение «оттепели» — еще романтичной

В. П. Аксенов
«Звездный билет»

Аксенов — светлый писатель, но ничего светлее этого, кажется, и у него не вышло.

Итак, 1961 год, московский дворик, так хорошо знакомый нам по фильму «Покровские ворота», где даже местную стерву зовут эльфически нежно: тетя Эльва.

Трое друзей: главный герой Димка, интеллектуал Алик и спортсмен Юра отправляются в Таллинн вместо того, чтобы готовиться к экзаменам в вуз. Что там экзамены, когда поступать на очное можно до 35-ти,

а им только семнадцать! Вместе с ними едет и одноклассница Галя — красавица, мечтающая стать звездой экрана. Короче, пока у ребят одни понты и огромная жажда жизни, причем жизни не просто «красивой», но и (отчасти как комсомол велит) смыслом наполненной.

В Таллинне случится любовь, а после и любовная злая коллизия, и идиллия ничегонеделанья быстро закончится. Но ребята выйдут в море на рыбацких сейнерах вовсе не ради лишь денюжки. Ясен же пень: романтика! Новоявленные колхознички (ведь это рыбо-ловецкий колхоз, советская Эстония) оторвутся теперь от Ремарка и Хемингуэя и оторвутся по полной — вплоть до «участия» в зверском шторме.

Случится в повести и трагедия, и не море ее принесет, а небо. На него так любят смотреть Димка и его старший брат Виктор. Из окошка ночное небо видится им билетом, пробитым звездным компостером. Это билет, но куда?..

Ребята еще не знают: вся жизнь впереди.

Цитаты

«Ребята танцуют, и ничего им больше не надо сейчас. Танцуйте, пока вам семнадцать! Танцуйте, и прыгайте в седлах, и ныряйте в глубины, и ползите вверх с альпенштоками. Не бойтесь ничего, все это ваше — весь мир».

«Он часто говорит непонятно. Я русский язык знаю хорошо, но его я не понимаю. Недавно он назвал меня молотком. «Ты молоток, Линда» — так он сказал. Что ты смеешься? Разве я похожа на молоток?»

«Гали за столом не было. Димка стал бродить среди танцующих, разыскивая Галю. Фрам сказал ему, ослабившись:

— Поволокли твою кадришку! Твою невесту ненаглядную!»

«Не надо литавр, хватит с нас и гитары».

Экран откликнулся

По повести Александр Зархи снял в 1962 г. фильм «Мой младший брат», который стал звездным билетом для молодых актеров О. Даля, А. Миронова, А. Збруева. В фильме снялись и звезды тогда уже ярко горевшие: М. Названов, О. Ефремов, Р. Зеленая, Л. Марченко.

Дети «застоя». Стиляги и диссиденты

Э. В. Лимонов
«Молодой негодяй»

Кажется, большего эгопуписта, чем Эдуард Лимонов (девичья фамилия автора Савенко) в нашей словесности не сыскать. Общению и пониманию это всегда мешает, зато подвигает к творчеству, и здесь даже враги называют Лимонова великим, хотя ему, кажется, интересней сейчас играть в политику.

Мы предлагаем вам вернуться в юность писателя, в Харьков конца 60-х, где он возрос и проявил себя как хулиган, поэт и портной.

Действие романа «Молодой негодяй» вовсе не ограничивается одним днем: 26 августа 1967 года. Правда, этот день для Эда и судьбоносный и показательный. Начнется он с банальной выпивки в зоопарке, а кончится поджогом квартиры одного случайного недруга.

Кажется, именно в этот день Эд созрел навсегда дернуть из Харькова. Пока в Москву, зов судьбы еще не подсказывал ему, что дальше будут Нью-Йорк и Париж. Впрочем, автор знает, что с ним будет потом, ведь роман написан в 1985 году.

Куча воспоминаний роится вокруг этого дня. «Напряженное безделье божественной жизни», харьковские молодые маргиналы 60-х, младшие братишки аксеновских героев, тоже стиляги, тоже мечтающие о красивой жизни, но гораздо более неустроенные и индивидуалистичные, «потерянные» и вроде навеки порвавшие с «козьим племенем» — «совками»... Дряхлая советская империя, но «в дряхлых государствах юноши обыкновенно переживают счастливые и долгие юности. Вообще человеку в дряхлых государствах жить легко, хотя и скучно...» (Э. Лимонов).

Изумительно живая, полнокровная книга — и в общем-то современная!

Она — заключительная часть «харьковской трилогии» о детстве и юности автора, куда входят еще романы «У нас была великая эпоха» и «Подросток Савенко, или Автопортрет бандита в юности».

Цитаты

«Сама Анна Моисеевна открыла дверь мокрым символистам с бутылками портвейна в карманах. Прижавшись к примусам, коридорные женщины в халатах испуганно глядели на вторгшихся рослых декадентов».

«— Шутишь, да, Эд? Это, бля, жуткая скука — делать карьеру коммуниста. Хватит того, что мой папаша угробил полжизни, разгуливая на коленях».

«Когда вам 21 год, читатель, и вам предлагают деньги и путешествия, ну как тут устоишь?»

«Такие люди всю жизнь свою рубят хаос и укладывают его в аккуратные штабеля. Хаос, правда, быстро вылезает сзади джунглями из земли на только что прорубленном участке».

«Коллектив — козье племя, — сказал Эд. — Худшие — это коллектив. Слабейшие. Они объединяются, чтобы угнетать и не давать развернуться лучшим».

«В его терминологии «неудачник» — это потерпевший поражение в жизненной эволюции. Не вскарабкавшийся на все возможные ступени жизни, не напрягший до предела себя, не испытавший себя на больших делах,... не подравшийся на дуэлях с самыми искусными дуэлянтами».

Экран откликнулся

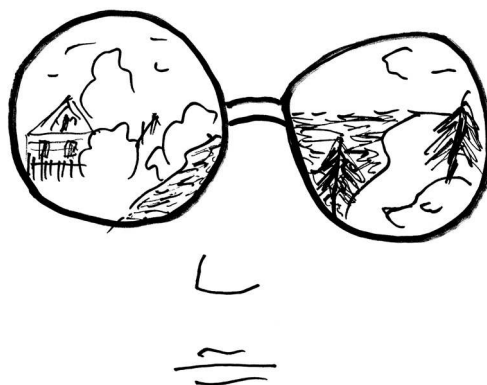
Фильм «Русское» (2004 г.) — по мотивам «харьковской трилогии» Лимонова, реж. Александр Велединский, в ролях: А. Чадов, Е. Германова, М. Ефремов.

«Русское», 2004 г.

Время «застоя». Прекрасное «пограничье»

А. В. Соколов
«Школа для дураков»

Странное это произведение! Собственно, написано оно то ли о, то ли и для 14-летнего ученика школы для умственно отсталых — посвящено, во всяком случае, такому вот мальчику, совершенно конкретному. Но нет во всей нашей литературе 20 века более свободного поэтического текста. Красавица ботаничка Вета Аркадьевна и босоногий повелитель розы ветров географ Норвегов, хмурый прокурор — отец мальчика, и сосед-стекольщик, приметливый и каверзный, и другой сосед, товарищ прокурора, обчистивший прокурорский сортир (на предмет удобрений); и поезда, что идут по этой дачной местности как посланцы мечты, и сама эта местность, где среди вольных просторов городскую свалку можно лишь по запаху найти, и ветхие дачи, и почти всегда роскошное, райское,

каникулярное лето. Да, при всех порой и тревогах, и катаклизмах чувств — гениально прекрасный и кротко просветленный мир здесь царит, ведь сказано: «Блаженны нищие духом, ибо их есть царствие небесное».

Почему в нашем почти «политическом» разговоре мы обратились к этой чудесной, такой земной и такой свободной от земного притяжения (бытового напряжения) книге? Потому что в ней плотно и одновременно поэтически представлен мир вещей и явлений вполне неустроенной и убогой, но сказочно воспарившей жизни. Ее нельзя назвать здесь «советской» лишь потому, что она в этой книге Жизнь вообще.

Это первый роман Саши Соколова (1973 г.) — сына советского разведчика. Автор писал его, по сути, в ссылке за попытку пересечения государственной границы. Сейчас Саша Соколов живет за границей и, говорят, пишет в стол, почему и схлопотал репутацию «русского Сэлинджера». «Школу для дураков» В. Набоков назвал «обаятельной, трагической и трогательнейшей книгой».

Цитаты

«...ветка спит, но поезда, симметрично расположенные на ней, воспаленно бегут цепочками, окликаая по имени каждый цветок, обрекая бессоннице желчных станционных старух, безногих и ослепленных войной вагонных гармонистов, сизых путевых обходчиков в оранжевых безрукавках, умных профессоров и безумных поэтов, дачных изгоев и неудачников — удильщиков ранней и поздней рыбы...»

«Они, несущие на одежде своей снежинки, делятся обычно на два типа: хорошо одетые и плохо, но справедливость торжествует — снег делится на всех поровну».

«Больной такой-то, смеялся он. Честно говоря, я не встречал человека здоровее вас, но ваша беда вот в чем: вы невероятный фантазер».

«Однажды он сидел в этом самом кресле, а мы сидели рядом, на траве, и читали разные книги, да, доктор, вы же в курсе, нам трудно долго читать одну книгу, мы читаем сначала одну страницу одной книги, а потом одну страницу другой. Затем можно взять третью книгу и тоже прочитать одну страницу, а уже потом снова вернуться к первой книге».

«...во лжи обманутых и в правде оболганных, в войне и мире, в мареве и мураве, в стадиях и в студиях, в стыде и страданиях, во тьме и свете, в ненависти и жалости, в жизни и вне ее — во всем этом и в прочем следует хорошенько разобраться, в этом что-то есть, может быть, немного, но есть».

Кризис системы. Армия. Зона

С. Д. Довлатов
«Зона (Записки надзирателя)»

Эту повесть Сергей Довлатов писал четверть века (1964 — 1989 гг.). После изгнания из универа недоучившийся филолог Довлатов три года отслужил на зоне в ВОХРе. Полученный опыт оказался бесценным: «Впервые я понял, что такое свобода, жестокость, насилие. Я увидел свободу за решеткой. Жестокость, бессмысленную, как поэзия. Насилие, обыденное, как сырость... Я дружил с человеком, засолившим когда-то в бочке жену и детей. Мир был ужасен. Но жизнь продолжалась». Он понял, что ад — это не зона, ад — внутри нас и что советское бытие в зоне и на свободе — в принципе одно и то же. Причем заметьте: никакого пафоса, никаких «изобличений»! Масса юмора, покатухи тончайшей выделки.

Удивительно: герои Довлатова — если не брать собственно «зеков» — солдатики срочной службы 1964 года призыва. Они если уж не читали первых светлых аксеновских книг, то наверняка фильмы, поставленные по ним, смотрели. Но для них даже луна «откровенная и резкая, как заборная надпись». При этом иллюзии все еще остаются.

Лучший фрагмент «Зоны» — новелла «Представление». Зеки ставят спектакль к очередной годовщине Советской власти. Это жутко смешная, но и страшная вещь! Когда вор в законе Гурин в роли Ленина обращается к залу, полному зеков: «Чьи это счастливые юные лица?.. Неужели это молодежь семидесятых?.. Неужели это славные внуки революции?» — зал падает от хохота. Смеются зеки, солдаты, офицеры. А потом вдруг дружно — ВСЕ! — поют «Интернационал»: «Вдруг у меня болезненно сжалось горло. Впервые я был частью моей особенной, небывалой страны. Я целиком состоял из жестокости, голода, памяти, злобы...»

Трещина между реалом и идеалом прошла по сознанию рефлексующего героя Довлатова. Но ведь прошла она и по всем здесь, прошла изумительными, то страшными, то комическими узорами. Прошла по юным, в сущности, героям Довлатова: по солдатику-эстонцу Пахапилю, уже твердо решившему, что «настоящий эстонец должен жить в Канаде», по странному «алкоголисту» Петрову, который чуть было не застрелил друга.

Иные критики называли Довлатова «мастером отточенной банальности». То, что «совок» морально устарел, стало банальностью только к 80-м. И эту истину Довлатов отточил до опасно зеркального блеска.

Цитаты

«Вчера, сего года, я злоупотребил алкогольный напиток. После чего уронил в грязь солдатское достоинство. Впредь обещаю. Рядовой Пахапиль».

«И чем сильнее была угнетена моя плоть, тем нахальнее резвился дух».

«Почти любой заключенный годился на роль охранника. Почти любой надзиратель заслуживал тюрьмы. Повторяю — это главное в лагерной жизни. Остальное — менее существенно».

«Жизнь капитана Токаря состояла из мужества и пьянства... Воплощением мужества для капитана стали: опрятность, резкий голос и умение пить, не закусывая...»

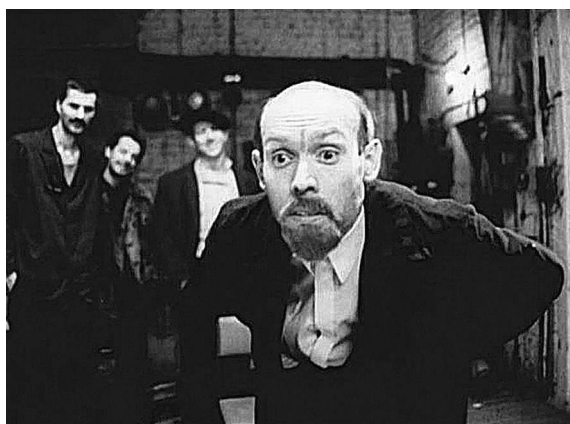
«И только Гурин с важностью разгуливал по лагерю. Он научился выговаривать по-ленински:

— Вегной догогой идете, товагищи гецидивисты!..

— Похож, — говорили зеки, — чистое кино...»

Экран откликнулся

В 1992 году вышли на экран сразу две ленты, навеянные довлатовской «Зоной»: драма Сергея Члиянца «По прямой» (в ролях А. Панин, Н. Чиндяйкин и др.) и гротесковый фильм Владимира Студенникова и Михаила Григорьева «Комедия строгого режима»; здесь в роли зека, которому доверена роль Ленина — В. Сухоруков. (Кстати, это одна из лучших работ артиста).

«Комедия строгого режима», 1992 г.

Интеллигенция в позднем СССР

В. Г. Сорокин
«Тридцатая любовь Марины»

Первые читатели этого текста наверняка воспринимали его как стеб, как ядовитую шутку. Написанный в самый разгар позднего застоя (1982 — 84 гг.), роман повествует о свободной женщине Марине, близкой к диссидентским и богемным кругам, тайно влюбленной в Солженицына. Работает Марина в музыкальной школе при каком-то заводе. Когда-то ей прочили карьеру пианистки, но травма положила конец этим мечтам. Есть у нее и более глубокая травма: ее нанес отец в детстве. С тех пор Марина предпочитает «нетрадиционные отношения». Короче, сплошной советский декаданс, причем поданный так психологически реалистично, такими деталями времени наполненный, что читатель верит: в советском насквозь ханжеском и зарегулированном обществе — да, были и такие люди,

протекала где-то на обочине и вот такая по-своему очень полная жизнь.

Но наступает кризис — предтеча среднего возраста, и как раз на его пороге Марина встречает человека, который, по принятому тогда клише, «круто меняет ее судьбу». Марина порывает с богемой и диссидой и уходит работать на завод, полностью сливаясь со здоровым рабочим коллективом, даже в общагу из своей квартиры переселяется!

Что это: пародия на советскую пропаганду, на ее тезис о перековке человека в рабочем коллективе?.. Языковая игра?.. Ведь Сорокин блестяще здесь пользуется огромным диапазоном русского языка тех лет, от сленга богемы и мата до тошнотно бодрого и обезличенного стиля официальных статей, которым его герои начинают вдруг изъясняться, а последние страниц тридцать — это сплошная окрошка из газетных реляций тех лет...

Думается, и языковыми играми дело не ограничилось, как бы сам автор ни уверял нас, что его интересует лишь форма.

И если вы полагаете, что все это дела давно прошедшие, неактуальные, то прочтите хотя бы цитату, набранную крупным шрифтом — так ее выделил автор в сцене, где героине снится перевернувшийся ее сознание сон. Эти слова слышим мы и теперь, этот пафос и эту логику...

Цитаты

«— Меч Роланда, — усмехнулся Валентин, заметив, куда она смотрит. — А ты — мои верные ножны».

«Отправляясь утром на работу в набитом, надсадно пыхтящем автобусе, она всматривалась в лица молчащих, не совсем проснувшихся людей и не находила среди них человека, способного удивить судьбой, лицом, поведением. Все они были знакомы и узнаваемы, как гнутая ручка двери или раздробленные плитки на полу казенного туалета».

«— Главное, никто из нас, кроме Вовика, не понимал, с чем мы имеем дело. Что это не просто продолжение наших поэтических пьянок, а открытое столкновение с чудовищной машиной тоталитарного государства. Словно подошли к дремлющему дракону дети и щелкнули его по носу...

— А он проснулся и огнем на васдохнул.

— Да...»

«...рыдания подступили к горлу:

— ВЕЛИЧИЕ РУСИ НАШЕЙ СЛАВНОЙ С НАРОДОМ ВЕЛИКИМ С ИСТОРИЕЙ ГЕРОИЧЕСКОЙ С ПАМЯТЬЮ ПРАВОСЛАВНОЙ С МИЛЛИОНАМИ РАССТРЕЛЯННЫХ ЗАМУЧЕННЫХ УБИЕННЫХ С ЗАМОРДОВАННОЙ ВОЛЕЙ С БЛАТНЫМИ КОТОРЫЕ СЕРДЦЕ ТВОЕ ВЫНИМАЮТ И СОСУТ И С РАЗМАХОМ ВЕЛИКИМ С ПРОСТОРОМ НЕОБЪЯТНЫМ С ПРОСТЫМ РУССКИМ ХАРАКТЕРОМ С ДОБРОТОЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ И С ЛАГЕРЯМИ ГРОЗНЫМИ С МОРОЗОМ ЛЮТЫМ С ПРОВОЛОКОЙ ЗАИНДЕВЕВШЕЙ В РУКИ ВПИВАЮЩЕЙСЯ И СО СЛЕЗАМИ И С БОЛЬЮ С ВЕЛИКИМ ТЕРПЕНИЕМ И ВЕЛИКОЙ НАДЕЖДОЮ...»

«Забавный, — подумала она, погружаясь в сон. — А самое забавное, что он по-своему прав».

«Как все просто! — поразилаь она. — Ведь действительно все держится на этом человеке. На простом рабочем. На его мозолистых руках...»

Молодая бюрократия

Ю. М. Поляков
«ЧП районного масштаба»

Выход в свет этой повести в 1985 г. ознаменовал собой начало горбачевской перестройки. Молодой автор, основываясь на опыте собственной аппаратной работы, иронично и почти без прикрас отобразил деятельность «типичного» райкома комсомола тех лет. Показушность, заорганизованность, усталые отбредивания от наследованных «идейных» оппонентов, недовольных гримасами позднесоветского, основанного на добывании дефицита, быта. А также ханжество, карьеризм и глубокое равнодушие к своему делу, еще скрываемое даже и от себя, еще неосознанное неверие во все, чем занимаешься сам и чем понуждаешь заниматься других, — вот что характеризует работу и личность главного героя

повести — первого секретаря одного из столичных райкомов комсомола Шумилина. Он еще не мыслит себя вне условий и условностей этой, советской, аппаратной игры, он живет как бы на автопилоте, и понадобится ЧП, чтобы расставить для него хоть какие-то точки над «i».

Да и ЧП-то по нынешним меркам плевое: кто-то устроил погром в одной из комнат райкома. Выяснилось, что «автор» — сбившийся с пути школьник, которого в свое время Шу-

мили́н не принял в комсомол. Скажу честно, как современник описываемых событий: маловато будет для московских ребят тех лет, чтобы сбиться с пути! Но и герой повести, и сам автор остаются в тесных «партийных» рамках представлений о ценностях тогдашней «советской молодежи». То есть попросту выдают желаемое ими (и нужное для собственной карьеры) за действительное. Странный опыт проживания в ситуации, когда есть лишь легендарное, насильственно культивируемое «вчера» и бесконечно, автоматом длящееся «сегодня» без внятного будущего.

А забавно было бы узнать, как сложились судьбы всех персонажей сейчас, и как изумились бы они переменам, увидев себя нынешних тогда, в начале 80-х!

Цитаты

«Ты мне иногда напоминаешь чайник из учебника: кипишь не потому, что горячий, а потому, что высоко подняли».

«И последнее: школьный отдел пишет выступление на тему: «За партой, как в бою!»

«Халтурят музыканты. Строители калымят. Продавцы наваривают. Мы, шофера, крадем — чтобы ты знал».

«Что вы за поколение, братцы мои, со всем готовы соглашаться, лишь бы чего не вышло, только бы лишнего не сказать!»

Экран откликнулся

Острый по тем временам к/ф «ЧП районного масштаба» (1988 г.), реж. Сергей Снежкин, в ролях: И. Бочкин, Ю. Демич, Е. Анисимова, Е. Антонова.

«Трудные подростки»

М. Ю. Елизаров
«Мультики»

Михаил Елизаров — один из культовых молодых писателей, лауреат «Русского Букера». Он также и бард (что-то возле панк-рока на дому). «Мультики» (2010 г.) — пожалуй, самая «загадочная» (хоть и не самая свирепая) его вещь на сегодня.

Итак, 16-летний житель спального района Герман Рымбаев вливается в ряды местной шпаны. Год на дворе 89-й, время частной инициативы. В результате Рымбаев попадает в детскую комнату милиции, к педагогу уж точно не от бога, а от черта, некоему Разумовскому.

В детской комнате Разумовский показывает Герману диафильм о себе любимом. Оказалось, в детстве Разум был садистом-убийцей, но вот ведь же исправился, попав в свое время в руки замеча-

тельного педагога! Повторить надежный путь исправления предназначено и Герману... Эта ироническая, но вроде б «на полном серьезе» поэма во славу «волшебной» силы педагогики тем забавней (и жестче), чем яснее для героя и читателей: за педагогически-гуманистическими лозунгами Разума («основная педагогическая мудрость — человеколюбие»), скрывается все тот же циничный и страшно опасный садюга. Именно — дьявол.

Само собой, автор здесь насмехается над краеугольным камнем советского (еще от Просвещения идущего) постулата о том, что человека формирует «среда», а значит, его можно вылепить, воспитать и перековать. Едва ли не главная мысль в произведениях Елизарова: мы живем не в стройном мире, который только прибрать бы почище, а в вихре таких иррациональных, примитивных и неостановимых сил природных, социальных, магических и космических, что впору лишь нервно, мрачно прикалываться по этому поводу. Говорят же социологи о начале новых средних веков...

А знаете, что удивительно именно в этой книге? Одинаково достоверны реалистический и фантастический слой повествования, до того полнокровным психологизмом напитал их автор. Драйв полный, а смысл, повторюсь, ох загадочный — именно: «магический»!..

Цитаты

«— На колготы не глядим, они дырявые, — приказала Аня. — Я же не знала, что придется раздеваться».

«За окном был открытый космос. Как ни тянулся я в надежде коснуться стены, пальцы во всех направлениях хватали бесконечное черное ничто, где нет не то что запахов, звуков, но и самого времени».

«Разумовский как-то нарочито расхохотался, даже чуть выгнулся назад, точно его прихватил радикулит. — Что ты, Герман, гораздо хуже! — Его лицо лучилось веселыми морщинками. Меня

тоже разобрал смех — уж очень глупо выглядел этот педагогический хохочущий клоун».

«Как только Таня вступила на чердак, он вцепился ей в шею. Едва с возней на полу было закончено, Разум привычно взялся за нож...»

«Я падал, как подкошенный, навзничь, и моя отрубленная неморгающая голова смотрела на пустой перекошенный кадр... Но я не беспокоился. По опыту я твердо знал, что когда белая ослепительная яркость поглотит все пространство, я заново открою глаза и наступит утро».

Россия: 1990-е — и посейчас

В 1991 году вместо СССР на карте мира образовалось несколько новых государств. Это был не просто распад — для каждого бывшего советского человека это был переход к принципиально другим нормам и формам жизни. Начались «лихие 90-е», которые писатель Владимир Сорокин назвал «веселым и страшным временем». Для подавляющего большинства оно было еще и голодным. Но и насытятся в хлебные 00-е, люди вовсе не успокоились. По сути, начавшееся в августе 1991 года продолжается, меняя лишь какие-то черты. Зло и насмешливо о ней как о судьбе своего поколения говорит В. Пелевин. Горьки, безнадежны ее «достижения» и перспективы у подавляющего большинства писателей (М. Елизаров, А. Дмитриев, А. Иванов). Самый позитивный из них — П. Санаев, кажется, единственный, кто оставляет открытой форточку для воздуха надежды.

Но это вовсе не значит, что мы не будем смеяться, читая их тексты. Смеяться — и радоваться их таланту, который помогает нам превозмочь муть и путаность нашей жизни.

Книги в этом разделе также даются согласно логике нашего разговора.

Мифы новой России.
«Общество потребления»

В. О. Пелевин
«Generation «П»

Если вместить в одно определение основные оценки критиков, то оно звучало бы так: «Generation «П» — это глубоко-попсово-низково-сокохудожественно-безыдейно-философское плоско-виртуозное произведение, ознаменовавшее падение и безусловный триумф автора и его записного читателя (он же «офисный планктон»), а также пошло-зубастая сатира на порядки постсоветской России, структуру архаичного религиозного мифа, постулаты монетаризма, примочки современных пиар-технологий и заморочки «общества потребления».

В общем, бедный вид гомо сапиенс: автор излил на тебя все, что смог!

Роман, написан в 1999 г., и сатира его кажется злободневно пророческой...

Итак, самое начало 90-х. Юный выпускник Литинститута Вавилен Татарский погружается в тайны новорожденного российского бизнеса. Он созидает рекламные слоганы для разных видов товара. Самый громкий (и вряд ли безгрешный по нынешним временам) звучит так: «Солидный господь для солидных господ». Параллельно то чеченские базарные торгаши ставят Вавилена на счетчик, то новорусский башлястый бандюжка заказывает ему за сутки выродить «национальную идею», ведь без нее пляжная обслуга на Лазурке над ним насмехается.

Удивительным, мистическим образом Вавилен вылезает сухим и чистым из любой жизненной субстанции, делая даже карьеру. Сперва он оказывается в особом центре, где для «ботвы» (народ, не путать с деньгами!) снимается весь ТВ-видеоряд новостей. Главный принцип здесь: чтобы эмоции зрителя выгорали, а башка

не грузилась. Дальше — больше, и Вавилен Татарский становится очередным супругом богини Иштар, воплощающей в себе саму идею золота, то есть все возможное золото всех времен и народов. Что дальше ждет Вавилена, можно только догадываться, хотя дурачки могут и позавидовать.

«Поколение П» — это не только поколение пепси-колы. Автор настойчиво тычет читателя в следы древнего божества П***ца. Пока эта пятипалая собака спит, все у нас вроде ОК, но когда просыпается, наступает очередной конец света. Впрочем, эсхатология Пелевина озорна до ернического неистовства. Масса острых и точных мыслей автора пошла в народ.

О такой «пошлости» мечтает, наверно, любой писатель.

Цитаты

«Антирусский заговор, безусловно, существует — проблема только в том, что в нем участвует все взрослое население России».

«СССР, который начали обновлять и улучшать примерно тогда же, когда Татарский решил сменить профессию, улучшился настолько, что перестал существовать».

«...стоило ли менять империю зла на банановую республику зла, которая импортирует бананы из Финляндии».

«Татарский знал (и даже писал об этом в какой-то концепции), что в области радикальной молодежной культуры ничто не продается так хорошо, как грамотно расфасованный и политически корректный бунт против мира...»

«Главная особенность российского экономического чуда состоит в том, что экономика опускается все глубже в жопу, в то время как бизнес развивается, крепнет и выходит на международную арену».

«...рекламируются не вещи, а простое человеческое счастье... человек идет в магазин не за вещами, а за счастьем, а его там не продают».

«Ты, Ваван, не ищи во всем символического значения, а то ведь найдешь. На свою голову».

Экран откликнулся

«Generation П» — экранизация одноименного романа Пелевина в постановке Виктора Гинзбурга. В российский прокат фильм вышел в 2011 году. Сценаристы значительно отошли от текста романа, продлив его действие до наших дней. В ролях: В. Епифанцев, М. Ефремов, В. Меньшов, А. Гордон, Р. Литвинова, А. Панин, А. Мордвинова, И. Охлобыстин, Л. Парфенов, М. Максимовская, Ю. Бордовских, Р. Трахтенберг и др.

«Generation П», 2011 г.

Армия — «школа жизни». «Дедовщина»

В. В. Чекунов
«Кирза»

Дм. Быков назвал книгу Вадима Чекунова лучшей о современной российской армии. О «дедовщине», о неуставных отношениях со времен перестройки появилось немало честных, сильных и страшных книг («Стройбат» Л. Каледина; «Казенная сказка» О. Павлова; «Штабная сука» В. Примоста и др.) Но их авторы сводили все к одному: загнивает советская империя, гниет и ее «армейка». Чекунов копает глубже — в том числе и себя, героя-повествователя.

Всю выданную чернуху, бытовую и «душевную», автор пытается осмыслить как явление, можно сказать, культурологического и аж природного порядка. Подлинная народная (и молодежная тож, и политическая как результат конечный) субкультура россий-

ская — армейская и уголовная, считает автор (и не он первый, между прочим!) Они так сходны даже по сленгу сейчас, а суть у них всегда была одна: навыки выживания в условиях рабства. Армейский опыт имеет то преимущество, что позволяет среднестатистическому солдату побывать и снизу, и сверху, и рабом, и относительным господином. Это ускоренная и ужесточенная модель того, к чему воленс-ноленс сводится и гражданская жизнь.

У каждого «воина» три возможности: играть по правилам, сломаться или не играть в эти «игры» вообще.

Герой-повествователь выбирает путь конформиста, правда, конформиста не автоматического, а рефлектирующего. Он пытается обосновать свою позицию, хотя, конечно, она выглядит очень двусмысленно. Отпраздновав свой дембель как пробуждение от тяжелого сна, он, тем не менее, считает: «Армию нужно защищать» (позиция автора в ходе обсуждения его романа, получившего большой резонанс в социальных сетях).

Роман «Кирза» стал одним из самых обсуждаемых литературных проектов последнего пятилетия, ведь он поднимает не только проблемы армейские.

Цитаты

«С Сережей Патрушевым был у меня не один разговор о дедовщине. Не поняли друг друга. Меня не хватило признать, что буду самим собою — не выживу тут. Сережа только усмехнулся и руками развел. На том и разошлись. Но вот чего он никак не ожидал — удара с другой стороны».

«Роль ли это моя? Маска, личина? Или все-таки нутро пропиталось кирзой? Загрубело, опростилось, оподлилось... А может, приросла маска к лицу, превратилась в звериную харю — не отцепить уже».

«Стал бы я стрелять в «свой народ»? Ни я народу, ни он мне — не «свой». Стал бы. Вообще — хочу стрелять. Не на стрельбище. Там обстановка не та — делаешь, что приказано. Выплеска, облегчения нет».

От СССР к РФ: главный перелом.
Любовь. Социальный выбор

П. В. Санаев «Хроники Раздолбая. Похороните меня за плинтусом-2»

Это самая продаваемая у нас книга лета 2013 года. Кажется, наш читатель истосковался по такому герою. Не быковатому, бомжеватому или мажористому, а... по нормально интеллигентному — и хорошему челу, прежде всего!

Итак, герою Санаева в новом романе стукнуло 19 лет. Его первая самостоятельная поездка на курорт в еще советскую Латвию увенчалась знакомством сразу с несколькими знаковыми в его жизни людьми. Во-первых,

с красавицей Дианой (и его накрыла любовь, пока безответная); во-вторых, с музыкантом Мишей, который тянет его к богу; в-третьих, с номенклатурным сыном Мартином, который становится как бы его Воландом.

Ну, с Дианой все ясно: кульминация их отношений придется аккурат на конец августа 1991 года, на мятеж ГКЧП, и развязка этого «романа в романе» окажется и для героя, и для читателей неожиданной. Но там, в Латвии, стряется с Раздолбаем еще и четвертая встреча: с богом или с внутренним голосом, который поведет его в его любви к Диане и по жизни вообще. Отношения у Раздолбая с Верхним Парнем будут самые раздолбайские по форме («Бог, эй! Господи!»), но судьбоносные по существу.

Роман романом с Дианой совсем не заканчивается, ведь после августа 1991 года для всех в бывшем СССР начинается новая жизнь. Раздолбай вдруг понимает, что в этой жизни и он, и его близкие — офонаревшие от новизны и всяческих тягот «совки»: леши и подлещики. А так хочется быть заточенным на успех существом новой формации в новой России — Барракудой! До слез ведь охота... Только вот слезы (а Раздолбай не раз ревет на самом деле) — знак слабости или инакости судьбы? Об этом мы узнаем в окончании саги о Раздолбае. Санаев умело закидывает петлю на шею доверчивого читателя в самом конце романа: Раздолбай подписывает договор с Мартином о том, что или станет через двадцать лет (в мае 2012 года) винером, или...

Впрочем, читайте роман. Легкий и жизнерадостный стиль Санаева, чем-то схожий с ранним аксеновским (без запредельного романтизма последнего) и довлатовским (без его насмешливой горечи) обеспечит вам много приятных минут.

Цитаты

«Мартин взял листок с записанными очками и разорвал его на четыре части.

— ...Если в одной ситуации ты поступаешь честно, а в другой — готов честность преступить, не будет ли самым честным признать это перед собой, не корчить из себя порядочного и всегда поступать, как выгодно?»

«Она будет жечь его своей красотой, а он — топтаться перед ней на сброшенных брюках, прижимать к груди худенькие ручки, чтобы они не казались нитками, и походить на пережившего засуху кенгуру».

«Из глаз Раздолбая потекли слезы, и он в голос расплакался, изумляясь, что боль потерянной любви начала разрывать его в тот момент, когда жителей его города давили танками».

Люди «за гранью»

М. Ю. Елизаров
«Кубики»

Ну, ясно: в дурке день открытых дверей! Так скажет любой, кто посмотрит по диагонали эти тексты, первый из которых — о больном шизофренией некоем Федорове и его смерти (рассказ «Кубики»), а последний — об олигофрене некоем Панкратове и его тоже, конечно, смерти (рассказ «Белая»). Между ними — странные тексты, в которых со зверски бесстрастной дотошностью полицейского протокола излагаются истории всяких убийств, грабежей, изнасилований и прочих очевиднейших хулиганств, излюбленных нашими детективщиками. Только автор заходит с другой стороны: он пытается вскрыть некий экзистенциальный смысл во всей этой очень ведь жизненной фантасмагории. Сделать это вроде бы не-

легко: уж больно непрезентабельно живут его герои, и сами они сплошь лохи и лузеры. Всё какие-то бараки и хрущобы, окраинные спальные микрорайоны № 600-какой-то или деревенские щитовые домики. Кажется, и время остановилось здесь: то ли это еще глухие 80-е, то ли наши дни.

А оно и не важно. Важно другое: здесь всегда царят первобытные (первозданные) инстинкты, почему и самые нормальные молодые технически подкованные герои оказываются

ся вдруг в теснейшем общении то с гаитянской магией, то с голимой мистикой.

За этими быличками и страшилками, рассказанными с профессионально суровой, то есть крайне лукавой миной, скрывается реальность жизни нашего «простого обывателя», как она есть. Они живут в мире магических представлений, где все внутреннее (и духовное) вынесено за рамки собственной личности во внешний мир, другим людям/предметам предписывается вина за свои же дикие поступки. Потому что никакие они не «дикие», эти поступки, а продиктованы лишь инстинктом, то есть зовом природы, космоса. А кроме инстинкта у этих людей и нет ничего за душой. Ну, разве в церковь сгоняют освятить бензин, которым подожгут родственников «ведьмаков» (рассказ «Украденные глаза»).

Можно прыскать на каждой почти странице, ловя логические нестыковки в мотивах и поступках героев. А сложишь все «Кубики» в пирамидку — и подумаешь: черт возьми, но ведь так и живут! Так и живем... Так и будем жить?..

Цитаты

«...лучше бы ему, Федорову, вообще не рождаться, да и лучше бы вообще никому не рождаться, но люди все равно обречены появляться на свет, потому что Богу нужна их любовь». (Рассказ «Кубики»)

«— Правда женился?

— Да, — кивает Савчуков, — а что?

Получив удовлетворительный ответ, Лисковец выхватывает из кармана нож. Ее душа в этот момент любит свою хозяйку. Лисковец, чтобы окончательно угодить душе, бьет Савчукова сверху низ, особо не целясь, просто в грудь. Савчуков тонко твоякает от боли и смерти. Падая, он сам освобождает себя от ножа». (Рассказ «Нерж»)

«В ответ на мою попытку взять его под руку, чтобы он не упал, Вахичев вдруг изрек в мой адрес ничем мной не заслуженное, позорнейшее оскорбление — «пидарас», хуже которого нет на всем белом свете... это же самое безбожное слово... это как проклятье, даже хуже проклятья... и в ответ нанес ему удар кулаком правой руки в левую часть области лица, после чего он потерял равновесие и упал, а я продолжал стоять рядом и не мог прийти в себя осмысливая, как все это могло произойти со мной и так случиться, что меня настолько чудовищно оскорбили и прокляли». (Рассказ «Заклятье»)

«А испражняется нечисть холодцом. Которым мужей кормят». (Рассказ «Украденные глаза»)

Женщина как субъект жизни и творчества

С. Сачкова

**«Одна жирафья жизнь,
или Женщина детородного возраста»**

Самое интересное в этой книге — главная героиня Катя Перелескина. Это такой не очень еще распространенный у нас тип юной женщины, которая, с одной стороны, абсолютно самостоятельна, а с другой — вовсе еще не самостоятельная бизнес-вумен. Короче, ей хочется счастья, и очень простого, и очень женского, но другое в ней уже откристаллизовавшееся существо, по-западному индивидуалистичное, вступает в клинч с привычками и обычаями нашей пока довольно патриархальной родины. Короче, если Катя задается вопросом, почему ей нужно все время касаться Ромки и рядом с ним дышать хотя бы, а он днями без нее обходиться может, — вот если такие вопросы себе задаешь, значит, и живешь сама с избранником как бы через дорогу, в любимом не вполне растворившись. (А вроде бы любовь именно этого растворения требует?..)

В итоге Ромка уходит, и Катя почти гибнет в депрессии. Но на что ее вторая суть, стальная? И чтобы выйти из депрессии, Катя решает совершить убийство а ля Раскольников. Не Ромку убить, понимаете ли, и не себя, а мерзкую старуху бомжиху, которая тут же в арке их дома окопалась.

Действие романа отнесено к 1995 году, написан он в 1998, но приметы времени проникают в задраенный внутренний мир героини размытыми тенями. Да и зачем вся эта социальная этника 90-х, если в душе расцвели суть и смысл эпохи — безудержный, безоглядный индивидуализм?

Преступление совершится. И хотя никаких особых угрызений, что, мол, человека убила, у Кати нет, она придет сдаваться в ментовку. Надо же было ей изменить ход своей благополучной жизни, чтоб избавиться от депрессняка. Клины клином вышибают.

Тут-то, в КПЗ, а потом в суде, все узелки судьба и развяжет. Развяжет ловко и неожиданно...

Цитаты

«...детство — своего рода необратимая химическая реакция».

«А в чем все дело? Мы с Ромкой расстались, вот в чем. С ним я медленно умирала. Сейчас надо выжить. Я сказала ему: либо подстриги — а лучше побрей — свой разросшийся эгоизм, либо уходи. Он ушел».

«Да, я ненавижу ждать, я не выношу пустых комнат, где нет его... когда он где-то бродит — вместе с оторванным куском моего сердца».

«...если необходима смерть, то пусть она будет смертью не мне подобного, а какой-нибудь противной старухи».

«Сами посудите: подумать, что разлагающееся одурелое существо — тот же самый человек, что и, семьдесят лет назад, малыш с его наивным, трогательным внутренним миром... подумать это — невозможно».

Каста бюрократов

А. М. Терехов **«Немцы»**

Этот сложный, жесткий и уклончивый роман одного из самых значительных молодых российских писателей был удостоен литературной премии «Большая книга». Она действительно большая — от количества страниц до смыслов, в ней заложенных.

Итак, в сказочный Восточно-Южный округ Москвы назначается новый префект («монстр»), ставленник жены мэра. Монстр разгоняет прежнюю команду и набирает «на кормление» своих. Главный герой молодой пиарщик Эбергард — из бывшей команды и со дня на день ждет сокращения. Параллельно Эбергард ожидает суда, который должен обязать его бывшую жену Сигилд не препятствовать встречам с дочерью Эрной. Эрн для Эбергарда — символ душевной свободы, его неполной подчиненности «системе», кор-

мящей (но и угрожающей ему поминутно). Что-то, короче, глубоко личное.

Ради поддержки сильных мира сего (могущих повлиять на решение суда) Эбергард «заносит» в префектуру от бандюков, однако потерпит крах. Герой лишится квартиры и всего-всего, в том числе и работы. Можно вроде б и вешаться, но роман завершится неожиданным, на-смешливым хеппи-эндом.

Писатель наделил своих героев странными для совре-

менных немцев древними именами: Эбергард, Хассо, Хериберт, Сигилд. В своем сознании (полагает автор) они именно «немцы», чужаки-оккупанты в «этой» стране, которая для них есть лишь средство личного обогащения и отвала (по возможности) за границу, в край украшенного морем и солнцем личного процветания.

Терехов знает мир, о котором пишет, не понаслышке: в 90-е он несколько лет проработал в редакции газеты «Совершенно секретно». Автор не видит большой разницы между мутными 90-ми и вроде совсем другими, сытыми и спокойными 00-ми. Уродливые процессы социальной эволюции продолжаются и набирают уже необратимую силу, причем их участники становятся и их пленниками: «...всех кружит одинаково, и не разберешь, кто разгоняет, отталкиваясь ногами, а кто едет и уже не соскочит».

Писатель создает сатиру на возможную сатиру, которой, нет слов, достоин нынешний наш уклад, но... Мог ли автор закончить роман свой, не улыбнувшись согражданам напоследок всеми его шестьюстами страницами — улыбнувшись красноречиво бес- сильно и ернически многозначительно?..

Цитаты

«Сейчас окончательно делится народ — кто встроился, пойдет навсегда наверх, остальные навсегда вниз. Понимаешь? Такого времени больше не будет».

«...наклонив голову, монстр вразвалку, с дополнительным усилием отрывая ступни, пошел на онемевший, докучливый, бессмысленный мир животных и насекомых — жители заготовили и затрепетали крылами для ободрения себя, пока не началось, не понимая, что все для них давно уже — закончилось».

«Чтобы купить дом — в поднебесно-голубом и околморском там — и уехать... выучить язык и еще раз прожить, но уже не кланясь участковым».

Крайние левые

3. Прилепин «Санька»

По общему мнению, первый роман молодого автора стал главным событием литературного 2006 года. Дело не только в художественных (бесспорных) достоинствах вещи. Дело в начинке, «про что здесь спич». Спич в романе Прилепина про леворадикальную молодежь околонаших дней. Главный герой Санька Тишин (именно так, по-простонародному, его называет дед) — активист нацболов. Он и его товарищи ненавидят существующий в стране строй и борются с ним то хулиганскими, то бандитскими методами.

Роман яростный. Тех, в кого метил автор, он задел за живое. Суперолигарх Петр Авен выступил со статьей, в которой резко раскритиковал и тип людей (революционеров), выведенных Прилепиным, и их позицию. Приметливым взглядом недруга он отметил и чрезмерный эгоцентризм, сентиментальное позерство автора, и инфантильность его героев. Им скучен рутинный труд, они готовы рисковать своей и чужой жизнью без реально достижимой, внятной цели.

Статьи Авена породила острый спор в сети. Писательница Людмила Улицкая полагает, что роман отражает ментальную суть

русского национального характера и русской истории: «Это очень мощное целеполагание с полным отсутствием здравого смысла». (Эти и другие мнения см. подробно: <http://www.sankya.ru/about.html>).

Самое интересное в романе — не яркий экшн (он, правда, тоже имеется), а типажи участников всего действия, явно имеющие прототипов в реале.

«Фашизм», «свобода», «гуманизм» — пустые слова для Саньки и его друзей. Для них значим лишь непосредственный чувственный опыт, инстинкт, эмоция. Любовь к Родине, которую губят, — инстинкт ли это или эмоция? И может ли она стать действенной политической силой, меняющей судьбу страны, спасающей ее?.. Или это бунт обреченных?

Мы покидаем героев романа в минуту, злую для них — быть может, в минуту для них и последнюю. А ответы придется всем искать вне этой книги...

Цитаты

«— Думаешь, этому народу, наполовину состоящему из пенсионеров и наполовину из алкоголиков, нужна почва?

— Живым — нужна.

— Живых на эту почву не хватит.

— Хватит».

«— Откуда тогда вся эта страна взялась, если кровь и хаос...

— Она из этой крови и из этого хаоса слеплена, это же очевидно, Саша, и история каждые сто лет повторяется, ходит по кругу. Сначала кровавый мороз, потом оттепельные сопли, потом хаос, потом кровавый мороз...

— Ну, пусть будет так, мне все равно, — честно признался Саша».

«Гадкое, нечестное и неумное государство, умерщвляющее слабых, давшее свободу подлым и пошлым, — отчего было тер-

петь его? К чему было жить в нем, ежеминутно предающем самое себя и каждого своего гражданина?»

«— Братя, — сказал Саша просто и даже с легкой улыбкой. — Партия говорит нам: русским должны все, русские не должны никому. Также партия говорит нам: русским должны все, русские должны только себе. Мы хотим вернуть только то, что мы себе должны: Родину. Вперед».

«Меня не волнует ваша свобода. Меня волнует моя родина, ее почва, ее дети, ее рабочие, ее старики... — Фашизм все-таки предпочтительнее вам, сознайтесь? — весело спросил Безлетов».

«Такие, как ты, спасаются, поедая Россию, а такие, как я, — поедая собственную душу. Россию питают души ее сыновей — ими она живет. Не праведниками живет, а проклятыми. Я ее сын, пусть и проклятый. А ты — приبلуда поганая».

«Винеры» и «лузеры». Что затем?..

А. В. Дмитриев
«Крестьянин и тинейджер»

...И сразу вспоминается «Капитанская дочка», конечно! Тот же сюжет: дворянский (в данном случае — столичный) недоросль волей судьбы окунается в самую глушь и в самую гущу народной жизни. 19-летний москвич Гера спасается от улова-призыва в далекой деревеньке, где и живет-то один человек — крестьянин Абакум Панюков, работающий до одури, непьющий (потому как предки его староверами были), одинокий, ибо влюблен в чужую жену, а она пьет. Они словно бы с разных планет: крестьянин Панюков и юный гаджетопользователь Гера, которому предстоит многое для себя здесь открыть. Например, что до сотовой связи нужно часами в районный центр добираться.

Почти благостное и сонно «идиллическое» деревенское существование таит в себе массу «ужасов», как впрочем, полна своих «ужасов» и московская вроде такая продвинутая, комфортная жизнь. Судьбы Геры и Панюкова во многом удивительно зеркальны: и тот, и другой оказываются вершинами любовных треугольников.

В свой маленький роман Дмитриев умудрился запихнуть большой кусок нашенской жизни за тридцать последних лет, обозначив основные, так сказать, «тренды» эпохи. Друг Панюкова уезжает из де-

ревни в Москву и становится «деловой колбасой». Возлюбленная Геры Татьяна явно (дается намек) дрейфует в направлении борьбы с «этим» государством. Душевное равновесие гостеприимного крестьянина разрушает Гера, увев его подневольным, крепостным, по сути, положением Панюкова. Но так выходит, что они оба окажутся в лодке общей роковой участи. Она, эта общая участь, словно бы закольцована: младший повторяет судьбу старшего.

Несколько раз в романе повторяется нехитрая мысль: «В этой стране уже ничего не будет».

Итак, прозрачно-светлый роман Дмитриева, удостоенный Букеровской премии за 2012 г., об изжитости русской жизни и русской истории, «как бог нам ее дал» (А. С. Пушкин)?

Я бы назвал эту вещь сном о России (с явными порывами в чисто беллетристику). А уж верить ли снам — каждый решает сам.

Цитаты

«Я не лох, не лузер и не чмушник, я — деловая колбаса; ты втыкаешь? Ну хорошо, скажу попроще: я не слабак, и я давно не шестерю; да у меня у самого найдется, кому побегать и пошестерить; ты догоняешь?..»

«И Панюков не то, чтоб начал понимать, что там ему выкрикивает Вова этими новыми словами, но начал примечать: предвестьем этих выкриков всегда бывает страх в его глазах, ребячливый и вороватый...»

«Если б младенцы, когда вырастут, не были нужны зачем-то государству, у нас младенцев можно было бы с капустой жрать...»

«Панюков часто и громко задышал...:

— Были рабы и будем рабами.

Увидев лицо Геры, добавил буднично:

— Это я так говорю, чтобы тебе было все понятно.

— А мне не будет, не будет понятно! — закричал ему Гера.

— Так нельзя говорить, так никому и никогда нельзя говорить!
Так даже думать нельзя!

— Лъзя, нельзя, а я вот — думаю, — тихо сказал ему Панюков. —
Я как хочу, я так и думаю. И ты мне этого не можешь запретить».

Школа — в том числе и патриотизма

А. В. Иванов
«Географ глобус пропил»

Есть актеры одной роли, есть авторы одной книги. Сага А. Иванова об учителе географии Викторе Служкине — прежде всего, роман одной главы, а именно главы 46-й «Оба берега реки». Правда, она занимает почти треть всей книги. Собственно, этакая повесть внутри романа.

Итак, учитель географии рядовой пермской школы, пьющий, непутевый да к тому же еще и влюбленный в свою ученицу Машу (всяко бывает!) отправляется со своими учениками (и Машей) в поход по уральской реке. Их ждут дождь и снег, бурные пороги, бурные разборки с местными, бурные выплески отношений. В ходе похода (пардон за тавтологию) ребята разжалуют своего учителя в рядовые, собственными силами сплавятся в самом опасном месте реки, и бог лишь ведает, как не погибнут. И все это написано ярким, точным языком. Право, дух захватывает! В этом походе каждый, побывав на краю гибели, словно рождается заново и поймет, что он часть этой земли, «малое, но точное ее подобие».

Остальные сорок девять глав книги (все они, к слову, коротенькие и похожи на сценарий ситкомовской шняги «Реальные пацаны», ну и автор тоже ведь из Перми) — всё остальное в романе о том, как на пороге кризиса среднего возраста (Служкину 28) неудачник главный герой обнаруживает в себе неистребимого пацана-подростка. У него было свое отрочество, советское, у его учеников — свое, это вольница середины 90-х (роман 1995 г.), но они оказываются как бы в общей возрастной категории. И это не инфантильность (для него) или чрезмерная искусственность, «испорченность» (для них), это какой-то необычайно прочный общий для всех запас сил душевных, делающий человека страшно выносливым, терпе-

ливым и... не способным к простому счастью. То есть счастье россиянину нужно, как и река, — с порогами.

Про «тайну русской души», неистребимой во всех исторических передрыгах, здесь не говорят, но в себе ее носят. И автор это умеет показать озорно и яростно.

Цитаты

«Звезд на небе было так много, что казалось, будто там нельзя сделать и шага, чтобы под ногой не захрустело. Однако, видимо, никто там не ходил, потому что стояла такая тишина, что можно было услышать, как в глубине реки собираются завтрашные волны...»

«— Короче, мы тебя за пьянку свергли из начальников, — неохотно информирует Овечкин.

— Нам такие начальники-бухальщики не нужны, — беспощадно добавляет Борман. — Так что ты нам больше не командир, и звать мы тебя будем просто Географ. А все вопросы станем решать сами».

«Конечно, я откачаю, если кто утонет, но вот захлебываться он будет по-настоящему».

«Тайга туманно-голубая, она поднимается к окоему пологими, медленными волнами. И нету ни скал, ни рек, ни просек, ни селений — сплошная дымчатая шкура.

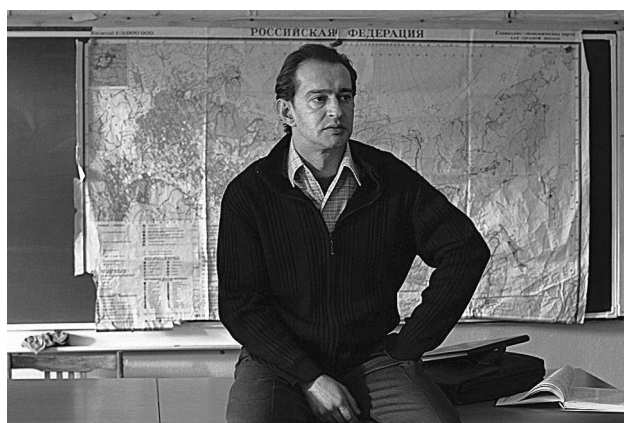
— Эротично! — бормочет Чебыкин, восторженно озираясь».

«Мы проплыли по этим рекам... — как сквозь судьбу этой земли, — от древних капищ до концлагерей... И я чувствую, что я не просто плоть от плоти этой земли. Я — малое, но точное ее подобие. Я повторяю ее смысл всеми извилинами своей судьбы, своей любви, своей души. Я думал, что устроил этот поход из своей любви к Маше. А оказалось, что я устроил его просто из любви».

«Прямо перед ним уходила вдаль светлая и лучезарная пустыня одиночества».

Экран откликнулся

Осенью 2013 г. на экраны страны вышел фильм Александра Велединского «Географ глобус пропил», уже удостоенный главного приза на Кинотавре-2013. В ролях: К. Хабенский, Е. Лядова, А. Уколова, А. Стеклова и др. Музыка к фильму написал гитарист группы «Аквариум» А. Зубарев.

«Географ глобус пропил», 2013 г.

«Куда ж нам плыть?..».
Духовные поиски молодых

С. А. Шаргунов **«Книга без фотографий»**

Заявленная как книга без фотографий, она свое название тотчас опровергает. Прежде всего, это автопортрет, и преогромный — первая глава автобиографии, подводящая итог «юности мятежной».

Собственно, это череда очерков-рассказов: о перестроечном детстве, о войне в Чечне, о революции в Киргизии, о собственном неудачном походе во власть. Короче, о жизни типичной и все же не рядовой.

Своей расхристанностью книга Шаргунова царапает. В раздражении скажешь: «Автор — честнее честных, борзее борзых!» А потом понимаешь: это книга о растерявшемся человеке. Он хочет быть честным, он должен любить народ, он обязан бороться с не-

справедливостью. Но «я должен» и «я обязан» вступают в неразрешимое противоречие с «я хочу». Я хочу известности, успеха, я хочу состояться. Я ужасно боюсь быть лузером. Но добившись успеха, я боюсь сфальшивить так же, как и выпасть из обоймы, — и я хочу быть честным с самим собой, прежде всего (или хотя бы?..)!

В итоге, остается главное, несколько затравленное принципами и обстоятельствами: Я ХОЧУ БЫТЬ, хотя мир дает так мало поводов полюбить его!

Выкинутый грубым пинком из «элиты», автор-рассказчик схватит дворницкие скребок и лопату, потом отправится в Чечню. Он будет добиваться своего жизненного успеха теперь в одиночку; он выплывет. Но лейтмотивом звучит в книге вопрос автора к себе: «Где была ошибка? Где и в чем он сфальшивил?»

«Книга без фотографий» — книга-констатация протекающего для всех нас жизненного момента, максимально честная.

Цитаты

«Ты смотри, Сережа, не дури, как дядя Коля: умеи притворять-ся, правильно дружи... И сына научи: главное — не стать рабочим. Мало мы соображали, глупые, доверчивые, деревенщина...»

«Это — вы! Молодой, энергичный, везучий. Красавчег. Как в Интернете: красавчег. Вы сможете написать нам? Напишите, что хотите. У вас получится».

«Я остался один среди Грозного... Люди улыбались, это казалось странным. Я думал, пырнут ножом или пристрелят... Как будто сговорились. И даже компания бородачей в черном. Остановились. Подняли вверх автоматы..., раскрыли рты. Показали такие разные зубы: золотые коронки, крепкие клыки, гнилые осколки.

— Вы в черном? — спросил я.

— Если в черном, значит, кадыровец, — сказал пафосно самый жирный и самый яркий бородач».

«А мне Киргизия с ее революцией была нужна как последнее подтверждение тому, что я еще нужен в этой жизни. Я решил в третий раз испытать судьбу. Но летел умиротворенный, почему-то точно зная: нужен — не убьют — вернусь.

И конечно, мне ужасно хотелось посмотреть: как это бывает, когда победила революция».

ОНИ

Некалендарный 20 век начался и для нас, и «для них» вроде бы одновременно: с первыми залпами мировой войны летом 1914 года. Но дальше — сплошные несовпадения! Для европейцев куда значимей первая мировая, именно ее они называют «великой». «Общество потребления» в США развилось уже в 20-е годы, когда у нас еще и слухом не слыхивали, что есть в природе такое — «стиралка»! Зато мы первыми шагнули в космос. Зато они первыми шагнули на луну. И вообще система ценностей у них весь 20 век была совершенно иная, иное понимание жизни. На одно из первых мест среди достижений человечества американцы поставили, например, зубную щетку. Ну кому из нас такое в голову могло бы прийти?.. И не потому, что зубы не чистим! 80% россиян чистят, но чтобы как эпохальное достижение это рассматривать...

И все-таки мы сближаемся. Говорят, предсказать некоторые явления в нашем обществе (и кстати, литературе) легко: заглянув в «ихние», скажем, 70-е, мы увидим, что ждет нас завтра. Причем люфт между нами и ними и в этом ведь сокращается! Глядишь, через несколько лет мы, как нынешние американские социологи, лишь разведем руками: «Знакомый мир кончился». Начнется общее для всех никем неизведанное завтра.

Но новое всегда растет из разломов прежнего. Вот почему книги западных авторов 20 века, которые мы подобрали для вас, такие все «острые». Их совсем немного, этих книг здесь, самый минимум. Но без них невозможно понять, каким был для «них» минувший век.

Запад: 1920 — 40-е годы

Наступление нового 20 века все газеты мира приветствовали громом фанфар. Казалось, триумфально продолжится время относительно мирного процветания Запада. Но сбылись самые мрачные прогнозы писателей-фантастов: новый век стал временем грандиозных войн, «невиданных потрясений, неслыханных мятежей» (А. Блок). В первые десятилетия — трагические социальные эксперименты, две мировые войны, крах утопических «мечтаний». «Восстание масс», которого как прихода светлой зари ждали прогрессивные умы в 19 веке, произошло, но всеобщего счастья не наступило. Восставшими массами, оказалось, легко манипулировать. Зато «человек массы» изменил лицо мировой культуры: уже в первые 10 лет нового столетия расцвела массовая культура, индустрия развлечений, развились новые жанры и виды, затем открыли свои возможности новые носители информации.

Героем времени и «массовой культуры» стал средний человек, который чувствует себя, «как все» (или как авторитетная для него группа) и, зная, что он посредственность, «имеет нахальство повсюду утверждать и всем навязывать свое право на посредствен-

ность» (Х. Ортега-и-Гассет, «Восстание масс»). Приобщаясь к благам цивилизации очень быстро, он не только не усваивает культуры прошлого, но и отрицает её, — брюзжал знаменитый испанский философ первой половины 20 века.

Зато из жизни являлись в литературу новые герои и темы.

Пришедшие с фронтов первой мировой так и не смогли преодолеть потрясений от военных впечатлений, породив, впрочем, блестящую литературу так называемого «потерянного поколения» (Э. М. Ремарк, Э. Хемингуэй, Р. Олдингтон, Ф. С. Фицджеральд). Потрясения второй мировой войны остро поставили вопрос о нравственном выборе человека и его ответственности за исторический процесс: родилась философия и литература экзистенциализма (Ж.-П. Сартр, А. Камю, во многом примыкает к ним и Г. Грасс).

Что ж, западный человек — неисправимый рационалист. И тогда властители дум не столько стонали, сколько раздумывали над тем, кто виноват и что все-таки делать.

Первая мировая война.
Антивоенные настроения

Э. Хемингуэй «Прощай, оружие!»

Собственно, европейская война была чужой для молодого американца Эрнеста Хемингуэя, которого и в родную армию из-за плохого зрения не хотели брать. Тем не менее, он отправился на ита-ло-австрийский фронт, где угодил под огонь неприятеля и попал в госпиталь. Здесь из него вынули 26 осколков, при этом на теле Эрнеста было более двухсот ран. На память о подвиге (спасал как-никак раненого товарища) писатель получил от итальянского короля медаль и еще один вечный приз: алюминиевый протез вместо раздробленной коленной чашечки.

«Я был большим дураком, когда отправился на ту войну. Я думал, что мы спортивная команда, а австрийцы — другая команда, участвующая в состязании», — заметил он в своей излюбленной стоически-иронической манере. Но там, на фронте, он нашел любовь и тему одного из главных своих романов.

Странная она, эта война, описанная здесь. Именно — «позиционная». То есть фронтовой рутины, скуки и грязи в ней гораздо больше, чем подвигов, опасностей и лишений. Непонятно, за что воюет этот американец Фредерик Генри. Его товарищи по оружию итальянцы верят, что после войны (впрочем, бессмысленной и для них) наступит мирная жизнь с ее радостями. А у Генри-то этих радостей на его пока мирной родине — хоть отбавляй. Стиль романа передает главное состояние своего персонажа: тоску от бессмысленности происходящего.

Среди скуки и серости военных будней у героя возникает роман с медсестрой из госпиталя Кэтрин Баркли. Волей случая (смертельно опасного, впрочем) Генри дезертирует и бежит с Кэтрин в нейтральную Швейцарию. Лично для Генри война закончилась —

досрочно начались эти самые радости мирной жизни. Кэтрин ждет ребенка. Будет ли у них будущее, у всех троих?..

Роман 1929 года — это роман о любви. И это глубоко антивоенный роман — он против войны в принципе. И очень горький, потому что, похоже, война так же неизбежна в человеческом обществе, как естественна для человека любовь. И она, война, кажется, навсегда калечит душу тех, кто ее хлебнул, хоть и спасся...

Цитаты

«После вашего отъезда мы только и знаем, что отмороженные конечности, желтуху, триппер, умышленное членовредительство, воспаление легких, твердые и мягкие шанкры... С будущей недели война опять начнется. То есть, вероятно, опять начнется... Как по-вашему, стоит мне жениться на мисс Баркли — разумеется, после войны?»

«— Вы славный, — сказала она.

— Вовсе нет.

— Да. Вы добрый. Хотите, я сама вас поцелую?

Я посмотрел ей в глаза и снова обнял ее за талию и поцеловал. Я поцеловал ее крепко, и сильно прижал к себе, и старался раскрыть ей губы, они были крепко сжаты. Я все еще был зол, и когда я ее прижал к себе, она вдруг вздрогнула».

«Меня всегда приводят в смущение слова «священный, славный, жертва» и выражение «совершилось». Мы... читали их на плакатах, ... но ничего священного я не видел, и то, что считалось славным, не заслуживало славы, и жертвы очень напоминали чикагские бойни, только мясо здесь просто зарывали в землю».

«Я нырнул, проскочил между двумя конвойными и бросился бежать к реке, пригнув голову. У самого берега я споткнулся и с сильным плеском сорвался в воду. Вода была очень холодная, и я оставался под ней, сколько мог выдержать. Я чувствовал, что меня

уносит течением, и я оставался под водой до тех пор, пока мне не показалось, что я уже не смогу всплыть».

«У меня внутри все было пусто. Я не думал. Я не мог думать. Я знал, что она умрет, и молился, чтоб она не умерла. Не дай ей умереть. Господи, господи, не дай ей умереть. Я все исполню, что ты велишь, только не дай ей умереть».

Экран откликнулся

«Прощай, оружие!» — фильм американского режиссёра Фрэнка Борзейги, снятый в 1932 году. Картина была номинирована на 4 премии Оскар. Впрочем, сам автор романа «был величественно презрителен» к этой киноверсии, хотя иные критики считают ее в целом удачной и в чем-то новаторской для своего времени. В главных ролях: Г. Купер, Х. Хейс, А. Менжу.

«Прощай оружие!», 1932 г.

«Прощай, оружие!» — фильм американского режиссёра Чарльза Видора 1957 года. В главных ролях: Р. Хадсон, Дж. Джонс, В. Де Сика.

«Прощай оружие!», 1957 г.

Первая мировая война.
Окопная правда

Э. М. Ремарк
«На западном фронте без перемен»

Первый роман Ремарка издатели отвергали: кому нужна эта окопная правда не славной для Германии войны спустя десять лет (роман 1929 г.)? Оказалось: нужна, да еще как! Книга была, наконец, издана, тираж ее стал самым большим в Германии.

Повинуясь патриотическому угару, главный герой романа Пауль Боймер вместе со своими одноклассниками идет на фронт, куда призывает его кайзер и общий порыв. Муштра лагеря по предварительной подготовке перерастает в бесконечную грязь окопов, в кровь и ошметки мяса товарищей на руках. Они почти все погибнут: и главный герой, и коротышка Альберт Кропп, «самая светлая голова у нас в роте», и Мюллер Пятый, который под ураганным огнем зубрит физику, все мечтая получить образование. Гибнут не только вчерашние школяры — опытнейший солдат сорокалетний Станислав Катчинский (Кат), всеобщий любимец и наставник, — и его смерть заберет. Смерть косит солдат, хотя война затяжная, позиционная, в сводках месяцами значит: «На Западном фронте без перемен».

И даже те, кто выживут, вернуться домой другими людьми. «Двойственный, искусственный, придуманный порядок, называемый «обществом», не может нас успокоить и не даст нам ничего. Мы останемся в изоляции... кто-то будет тихим, а кто-то не захочет расстаться с оружием» — эти строки не войдут в окончательную редакцию романа, но и без них все так ясно.

Неясно лишь, зачем война простому человеку в принципе... Это лишь «...всякому приличному кайзеру нужна по меньшей мере одна война, а то он не прославится».

В европейской литературе Ремарк стал наиболее плодовитым и последовательным выразителем настроений «потерянного поколения».

Цитаты

«Эта книга не является ни обвинением, ни исповедью. Это только попытка рассказать о поколении, которое погубила война, о тех, кто стал её жертвой, даже если спасся от снарядов»

«Они всё ещё писали статьи и произносили речи, а мы уже видели лазареты и умирающих; они всё ещё твердили, что нет ничего выше, чем служение государству, а мы уже знали, что страх смерти сильнее. От этого никто из нас не стал ни бунтовщиком, ни дезертиром, ни трусом (они ведь так легко бросались этими словами): мы любили родину не меньше, чем они, и ни разу не дрогнули, идя в атаку; но теперь мы кое-что поняли, мы словно вдруг прозрели. И мы увидели, что от их мира ничего не осталось».

«Над нами тяготеет проклятие — культ фактов. Мы различаем вещи, как торговаши, и понимаем необходимость, как мясники. Мы перестали быть беспечными, мы стали ужасающе равнодушными. Допустим, что мы останемся в живых; но будем ли мы жить?»

Мы беспомощны, как покинутые дети, и многоопытны, как старики, мы стали чёрствыми, и жалкими, и поверхностными, — мне кажется, что нам уже не возродиться».

«Кат рассказывает один из анекдотов, обошедших весь фронт от Вогезов до Фландрии, — анекдот о военном враче, который читает на комиссии фамилии по списку и, не глядя на подошедшего, говорит: «Годен. На фронте нужны солдаты». К нему подходит солдат на деревяшке, врач опять говорит: «Годен».

— И тогда, — Кат возвышает голос, — солдат и говорит ему: «У меня уже есть деревянная нога, но если вы меня пошлете

на фронт и мне оторвут голову, я закажу себе деревянную голову и стану врачом». Мы все глубоко удовлетворены этим ответом».

Экран откликнулся

В 1930 году вышел один из лучших фильмов Голливуда «На западном фронте без перемен» режиссера Льюиса Майлстоуна. Это еще тот, старый Голливуд, далекий от штампов и грез и очень качественный. В главных ролях: Л. Вальхайм, Л. Эйрс (исполнитель Пауля Боймера, стал после этого убежденным пацифистом), А. Люси.

В 1979 г. вышел одноименный телефильм режиссера Делберта Манна, который использовал некоторые находки версии 1930 года. В главных ролях: Д. Плезенс, Э. Боргнайн, Р. Томас.

«На западном фронте без перемен», 1930 г.

«Потерянное поколение»
в мирное время. И все же Любовь

Э. М. Ремарк
«Три товарища»

Свой самый известный роман Ремарк создал уже пост фактум событий, в другой эпохе. Действие в нем разворачивается около 1928 года, а книга писалась в 1932 — 36 гг., когда Германию пришлось покинуть, когда в жизни писателя состоялось и расставание с любимой женщиной, ставшей прототипом героини романа. В жизни звали ее не Патриция Хольман, а Ильзе Ютта Замбона, но она тоже болела чахоткой — следствие голодного военного детства. Только в отличие от Пат прожила долгую жизнь во многом благодаря поддержке Ремарка. Это роман о любви, прежде всего, ибо автомеханик Робби Локамп (главный герой) встретил и полюбил девушку необычную для него, «простака», плебея, но она смертельно больна. Мелодрама? Немножко, но с сюжетом из жизни.

Пат, Робби и его два неразлучных друга: спортсмен, экс-летчик Отто Кестер и весельчак Готфрид Ленц — пытаются быть прагматичными, даже циничными в духе времени, этих «гремящих 20-х», когда казалось, что все самое страшное позади, когда так хотелось быть оптимистом вопреки всякому опыту, вопреки памяти — и стать непременно успешным. Но как-то не получится у них опровергнуть слова мудрой фрау Залевски: «До чего же теперешние молодые люди все странные. Прошлые вы ненавидите, настоящее презираете, а будущее вам безразлично. Вряд ли это приведет к хорошему концу».

К хорошему концу это не приведет, приведет к Гитлеру и к новой войне, но герои и сам автор еще ничего не знают о новой близкой войне.

Нет, никаким словам верить не надо. И даже делам. А вот глазам — да, им полная вера, когда они сияют, как у влюбленной Пат.

То есть, в конце концов, главный роман Ремарка — про «нетленные ценности».

Цитаты

«Ты хочешь знать, как быть, если ты сделал что-то не так? Отвечаю, детка: никогда не проси прощения. Ничего не говори. Посылай цветы. Без писем. Только цветы. Они покрывают всё. Даже могилы».

«Такт — это соглашение не замечать чужих ошибок и не заниматься их исправлением».

«Нельзя говорить о деньгах с презрением. Многие женщины даже влюбляются из-за денег. А любовь делает многих мужчин корыстолюбивыми. Таким образом, деньги стимулируют идеалы, — любовь же, напротив, материализм».

«Если хочется жить, это значит, что есть что-то, что любишь. Так труднее, но так и легче».

«Ты подумай, ведь умереть я все равно должна была бы. А теперь я благодарна, что у меня был ты. Ведь я могла быть и одинокой и несчастной. Тогда я умирала бы охотно. Теперь мне труднее. Но зато я полна любовью, как пчела медом, когда она вечером возвращается в улей».

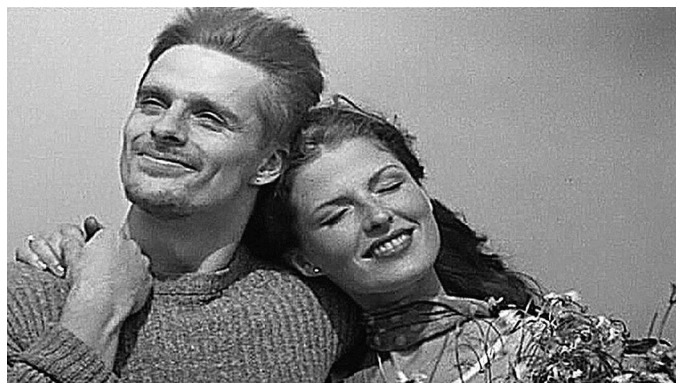
Экран откликнулся

В 1938 году вышел фильм «Три товарища» Фрэнка Борзейги. В ролях: Р. Тейлор, М. Саллаван, Р. Янг, Ф. Тоун и др.

«Три товарища», 1938 г.

В 1998 году в фильме «Цветы от победителей» действие перенесено в 1990-е годы в Россию. Режиссёр Александр Сурин. В ролях: А. Носик, А. Кравченко, А. Бабушкин, А. Анужите.

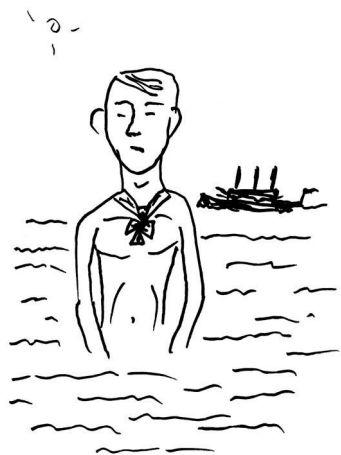
«Цветы от победителей», 1998 г.

Вторая мировая война.
Негероический героизм

Г. Грасс «Кошки-мышки»

Странный он типчик, этот Йоахим Мальке! Самый «резвый-гибкий-закаленный», каким призывает стать каждого немецкого юношу фюрер. Мальке и самый старший в компании ребят, самый сильный, развитый и самый крупный (во всех, даже заветных, мальчишеских смыслах). Как, например, он здорово ныряет в затопленный польский тральщик и добывает оттуда всякую интересную военную всячину! В рубке сохранился воздух, так он там себе жилище организует, притащив из дома чучело белой совы и изображение мадонны. Кажется, никого на свете этот парень не любит, кроме мадонны и железного креста — самой почетной военной награды гитлеровской Германии. Даже украдет ее у одного моряка, когда тот придет выступить с патриотической речью в их гимназию. Что последует дальше, читайте сами. Скажем только: на фронте Мальке таки получит железный крест — свою законную «железяку». Он герой? Вот почему эту новеллу изучают в немецких школах, как у нас «Молодую гвардию»?..

Но когда новелла появилась в 1961 году, разразился скандал. Против ведущего немецкого писателя ополчились и кавалеры «железяки», и моралисты, объявив Грасса антипатриотом, ненавистником католической

церкви и аж порнографом. Потому что эта тихая новелла — одно из самых антимилитаристских произведений в немецкой литературе. И быть может, большая заслуга Грасса в том, что в двадцати городах Германии есть сегодня памятник немецкому... дезертиру.

Тема второй мировой войны до сих пор крайне болезненна для немецкого сознания, где чувство исторической вины и чувство ущемленной национальной гордости играют в кошки-мышки.

«Игра в кошки-мышки» — вторая часть «данцигской трилогии» Гюнтера Грасса. Кроме нее в трилогию входят большие романы «Жестяной барабан» (1959 г.) и «Собачьи годы» (1963 г.). Все три произведения — о годах гитлеризма в Германии, в них встречаются общие мотивы и персонажи.

Цитаты

«... У него сложилась особая — не хорошая и не плохая, а легендарная репутация».

«Разве существуют истории, у которых есть конец?»

«В бога я, конечно, не верю. Обычная выдумка. Чтобы морочить людей. Единственное, во что я верую, — это Дева Мария. Поэтому я никогда не женюсь».

«Я свое отвоевал, разве нет?.. Пускай теперь другие повоюют. Не то, чтобы я струсил, просто с меня довольно».

Экран откликнулся

В 1967 году на экраны вышел фильм «Кошки-мышки» немецкого режиссера Ганса Юргена Поланда. Главные роли в нем исполнили Ларс Брандт (юный Мальке) и Петер Брандт (повзрослевший Мальке) — сыновья Вилли Брандта, впоследствии федерального канцлера ФРГ.

Человек как вещь в себе.

Экзистенциализм

А. Камю

«Посторонний»

Этот текст в полсотню страниц газета «Монд» поставила на первое место в рейтинге главных книг 20 века. И за дело. Молодой, можно сказать, начинавший тогда автор уловил главное в воздухе своей эпохи. Тогда, в 1942 году, шла вторая мировая война, она еще больше копила в душах современников страх смерти и желание жизни, но, впрочем, тотчас возникал и неизбежный вопрос о смысле этой самой жизни.

Итак, герой повести 30-летний некто Мерсо хоронит мать, которая умерла в богадельне, сходится через день с бывшей сослуживицей, дружит с соседом-подонком, и вообще парень он самый простой: живет растительной почти машинальной жизнью. Такие любят говорить про себя: «я, как все». Но вот незадача: на пляже случайно, под лучами беспощадного африканского солнца (действие происходит во французском тогда Алжире) Мерсо убивает араба. Дальше — тюрьма, следствие, суд. И все прошедшее, что было таким машинальным, «как у всех», оборачивается вдруг уликами против него! Безобидный охламон делается злодеем в глазах этих «всех», в глазах общества, которое не прощает ему даже того, что он, изверг такой, не плакал на похоронах матери.

В камеру смертников к нему приходит священник, и тут Мерсо, этот простодушно равнодушный человек, который и на суде выглядел «посторонним», взрывается: «...У меня осталось слишком мало времени. И я не желаю тратить его на бога». Налицо то, что модные тогда философы-экзистенциалисты называли «пограничной ситуацией». Это когда человек в виду смерти вдруг остро осознает свою «самость», уникальность, а через это — и связь с миром.

Камю был одним из влиятельнейших мыслителей середины 20 века. «Совестью Запада» называли этого сына неграмотной уборщицы, который в 1957 году стал нобелевским лауреатом.

Немудреная история, просто (но изящно, красочно) рассказанная Камю, зацепит и раскрутит на мысль любого, даже и не знакомого со словом «экзистенциализм».

Цитаты

«Я понял, что разрушил равновесие дня, необычайную тишину песчаного берега, где мне было так хорошо. Тогда я еще четыре раза выстрелил... И эти четыре отрывистых удара прозвучали так, словно я стучался в дверь беды».

«Мне хотелось растолковать ему, что я такой же, как все люди, в точности такой же. Но все это, в сущности, бесполезно, мне стало лень, и я махнул рукой».

«Он только спросил еще, сожалею ли я о своем поступке. Я подумал и сказал — не то чтобы жалею, но мне неприятно. Кажется, он не понял».

«— Господа присяжные заседатели, на другой день после смерти матери этот человек едет на пляж купаться, заводит любовницу и идет в кино на развеселую комедию. Больше мне нечего вам сказать».

«Как будто неистовый порыв гнева очистил меня от боли, избавил от надежды, и перед этой ночью, полной загадочных знаков и звезд, я впервые раскрываюсь навстречу тихому равнодушию мира. Он так на меня похож, он мне как брат, и от этого я чувствую — я был счастлив, я счастлив и сейчас».

Экран откликнулся

В 1967 году фильм «Посторонний» по повести Камю снял великий Лукино Висконти. В роли Мерсо снялся М. Мastroяни.

«Посторонний», 1967 г.

Запад: 1950 — 70-е годы

Потрясения первой половины и середины прошлого века аукнулись западному обществу сразу. Новое поколение буквально ввалилось на общественную арену примерно в середине 40-х.

Ввалилось не потому, что эти ребята хотели что-то громить, просто они жили по своим законам — законам абсолютной свободы и непотребительского упоения жизнью. Отказавшись делать карьеру и вливаться в общество потребления, они создали свою культуру — контркультуру битничества.

Эти типчики в курортных шлепанцах и безмятежных беретах казались обывателям никчемными прожигателями жизни. «Жить ярко и уйти рано!» — стало их девизом. Недруги обозвали их «разбитым поколением», отсюда и «битники», «битничество». Лидерами поколения стали Дж. Керуак, У. Берроуз.

Поколение, пришедшее около начала 60-х, назвали «хиппи» (от жаргонного «понимающий, знающий, посвященный»). Эти мирные «дети цветов» углубили духовные (и психоделические) искания-опыты битников, обратившись к восточной эзотерике и сделав любовь (секс, прежде всего) сутью жизни. Самый яркий пример — автор культового «Над кукушкиным гнездом»

(переводят и «Полет над гнездом кукушки», «Пролетая над гнездом кукушки») К. Кизи.

Но эти безобидные ребята («веселые проказники» — самоназвание компании Кизи) отразили и выразили огромные сдвиги в обществе, в настроениях, умах, в жизненной практике. Антирасистские и антивоенные выступления в Штатах в 60-е и студенческие волнения в Париже весной 1968 г. вынудили западное общество срочно пересмотреть весь свой потребительски-милитаристский модус вивенди. Тогда-то и был выработан интеллигентный, гуманистический по духу, хотя многим сейчас и поднадоевший западный кодекс политкорректности.

Но молодежь 70-х решила не покупать. Это было поколение активных, агрессивных нон-конформистов — поколение панков («подонков») с их вызывающе помоечной эстетикой и острейшим чувством социальной несправедливости. Образцом этого подхода к жизни служит роман Э. Бёрджесса «Заводной апельсин», правда, написанный задолго до расцвета «панковщины».

На очередной вызов контркультуры западное общество «пожилых» ответило политикой «рейганомии» и «тэтчеризма». Вовсю заскрипели социальные лифты. Моду стали диктовать «яппи» — молодые специалисты, мечтающие об успехе и буржуазном благополучии.

Что ж, до сих пор западному обществу удавалось гибко перестраивать любую, даже и агрессивную молодежную контркультуру в субкультуру, преобразовать жизненный смысл в модный аксессуар. На то оно и «общество равных возможностей», «общество потребления»...

Прекрасный и гибельный
послевоенный мир

Б. Виан
«Пена дней»

По версии газеты «Монд», этот сразу послевоенный (1946 г.) мини-роман входит в десятку лучших книг 20 века. Автор задался целью написать современную идиллию. Вышло что-то совсем другое, впрочем, изумительно музыкальное и живописное. Ничего удивительного: автор — еще и известный в то время французский джазмен.

В начале романа Колен и его юная жена Хлоя богаты и счастливы, мир расцветает и пушится под каждым их взглядом. Но цветисты начинают и легкое Хлои, в нем поселяется кувшинка, которая убивает ее на глазах. Чтобы спасти любимую, Колен нанимается на опасную работу: теплом своего тела он выращивает винтовки, но и они превращаются в стебли белых прекрасных роз. Работы Колен лишится, а что будет дальше...

«— А чем вы вообще-то занимаетесь?

— Учусь жить, — ответил Колен. — И люблю Хлою».

Поэзии и юмора (и горькой иронии) в этой, наверно, самой изящной любовной саге 20 века столько, что прочти ее Хлоя, она бы... Впрочем, французские легкость и изящество не покинут героев Виана до конца.

Короче, дышите свежестью! Вдохните хотя бы эти цитаты.

Цитаты

«С девчонками он говорил ласково, а с парнями — весело. Почти всегда у него было хорошее настроение, а в остальное время он спал».

«Рецепт таков: «Возьмите живого колбасуся и сдерите с него семь шкур, невзирая на его крики... В виде гарнира подавайте нарезанный ломтиками рис и бегите прочь».

«Они пошли по первому попавшемуся тротуару. Маленькое розовое облако спустилось с неба и повисло над ними.

— Могу спуститься пониже, — предложило оно.

— Валяй! — сказал Колен.

И облако окутало их. Внутри него было тепло и пахло корицей с сахаром».

«Просто меня в жизни интересует счастье не всех людей, а каждого в отдельности».

Экран откликнулся

До сего дня «Пена дней» попросилась на экраны трижды.

В 1968 году Шарль Бельмон снял фильм с участием звезды тех лет Ж. Перреном.

«Пена дней», 1968 г.

В 2001 г. японец Го Ридзю снял фильм «Хлоя» по мотивам Виана (в главных ролях Н. Масатоши и С. Нобору).

В 2013 году свою «Пену дней» выплеснул на экраны Мишель Гондри (Коленом у него стал Р. Дюрис, а Хлоей — сама «Амели» О. Тоту).

«Пена дней», 2013 г.

Поколение «битников»: жизнь —
яркое путешествие начинается

Т. Капоте **«Завтрак у Тиффани»**

Короля играет свита. А королеву — тем более. Такой королевой подъезда — нет же, королевой Нью-Йорка! — становится героиня повести Трумена Капоте Холлидей Голайтли. Нет нужды, что у нее другое имя, что из дома она ушла в тринадцать (кажется) лет, что живет неизвестно на что, посещает без разбору забегаловки и шикарные рестораны, крутит дружбу с миллионерами и продюсерами, а каждый четверг посещает в тюрьме Синг-Синг главаря наркомафии под видом его племянницы. Опытный читатель дюдиков уже раскусил, что за штучка эта Холли Голайтли. А вот же и нет! Всякая грязь и всяческий криминал ее не касаются — в том смысле, что ее «Я» остается от них свободным. Сказка? Прочтите повесть. Созданный Капоте образ вас убедит: такое бывает. Не так уж и важно, психиатрического или психоделического происхождения изумительное обаяние этой девушки, о которой вздыхает, кажется, каждый мужчина. Главное, это обаяние есть, и оно покоряет.

Нет, конечно, Холли мечтает о богатстве, но не хочет продаваться за него, хоть ей это бы удалось одним щелчком пальцев. Пресловутая «американская мечта» преобразилась у нее в мечту о самодостаточности. Холли грезит, что когда-нибудь поедет завтракать в самый шикарный ресторан НЙ, но при этом останется собой нынешней: совершенно свободной душевно. Нет, вовсе не только о гламурной красоте и роскоши: жизнь забросит ее и в хижину африканца. Она — как блуждающая по миру звездочка. Почему и пишет на почтовом ящике «Мисс Холлидей Голайтли путешествует». Разбивая сердца, но и помогая людям жить.

Что там было в реале, кто послужил прототипом для образа героини? Хотя повесть написана в 1958 г., действие происхо-

дит где-то в 1943 году — война в Нью-Йорке почти не ощущается. В 1943 году поколение битников только оформлялось. Похоже, Холли — светлая память о юности этого поколения, ведь впереди им предстояла такая трудная, путаная и чаще всего короткая жизнь...

Цитаты

«Ночь стояла теплая, почти летняя, и на девушке было узкое легкое черное платье, черные сандалии и жемчужное ожерелье. При всей ее модной худобе от нее веяло здоровьем, мыльной и лимонной свежестью и на щеках темнел деревенский румянец... Это было лицо уже не ребенка, но еще и не женщины. Я мог ей дать и шестнадцать, и тридцать лет. Как потом оказалось, ей двух месяцев не хватало до девятнадцати».

«Не думай, что я не хочу разбогатеть или стать знаменитой. Это очень даже входит в мои планы, когда-нибудь, даст Бог, я до этого дорвусь, но только пусть мое «Я» останется при мне. Я хочу быть собой, когда в одно прекрасное утро проснусь и пойду завтракать к Тиффани».

«Лучше всего для меня — просто взять такси и поехать к Тиффани... Разве что-нибудь плохое с тобой может приключиться там, где столько добрых, хорошо одетых людей и так мило пахнет серебром и крокодиловыми бумажниками?»

«Все равно, дом твой там, где ты чувствуешь себя как дома. А я такого места пока не нашла».

«Гитара налилась водой, дождь размочил бумажные мешки, мешки разлезлись, духи разлились по тротуару, жемчуг покатился в сточный желоб, ветер сбивал с ног, кот царапался, кот орал, но что хуже всего — я сам был испуган, я трусил...»

Экран откликнулся

В 1961 году Блэйк Эдвардс снял одноименный фильм с участием О. Хепбёрн. Фильм стал культовым, в первую очередь, благодаря актрисе, композитору (Дж. Манчини) и кутюрье Ю. де Живанши, одевшему героиню.

«Завтрак у Тиффани», 1961 г.

Поколение «битников» —
самый расцвет

Дж. Керуак **«В дороге»**

Наряду с «Голым завтраком» У. Берроуза этот текст для поколения битников, да и для всей американской контркультуры середины 20 века — самый-самый: главный, любимый и культовый. Его рукопись была продана на аукционе в 2002 г. за два с половиной миллиона долларов. Причем по виду рукопись сильно напоминает рулон туалетной бумаги. Напечатав на машинке очередной лист, автор подклеивал его к предыдущим. «Накатал» он этот текст

за три недели, а до этого накатал содержание в прямом смысле: не раз пересек Штаты с заездом в Мексику, всё автостопом и часто в компании люмпенов, «хобо» (странствующих рабочих, батраков) и тех, кого у нас презрительно называют бомжами. Сплошной Геккельберри Финн, короче!

Главных героев романа два: нью-йоркский писатель Сал и его друг Дин Мориарти, профессиональный перекаати-поле, полный жизненных сил, которые он еще и с удовольствием подхлестывает, чем ни попадя. «По-настоящему, это история двух дружанов-католиков, колесящих по стране в поисках Бога. И мы его сумели-таки найти».

Кстати, практически все герои романа имеют своих прототипов в жизни. Прототип Дина, который выступает таким гуру для автора, — Нил Кэссиди, фигура для битников знаковая. Сын алкоголика, с отрочества питомец тюряжек, он для всей богемной высокоинтеллектуальной компании Керуака был таким «челом из народа», который знает и может все. Энергия бьет из Нила (Дина) ключом: «Каждый его мускул судорожно подергивался в стремлении жить и мчаться вперед».

Они и мчатся, Дин и Сал, все вперед и вперед, к новым приключениям, подружкам, передрягам и всегда чудовищно, гротескно радостной полноте бытия. Полноте такой, что ей подчиняются даже законы искусства. «В дороге» во многом является некой импровизацией по ходу дела, репортажем о реальном, «вот сейчас-сейчас» опыте автора. Свою манеру писать Керуак сравнивал с джазовой импровизацией.

Борьба за индивидуальную свободу потом, в 60-е, приведет к ожесточенным расовым столкновениям, сексуальной революции, — к пересмотру всей социальной практики в Штатах.

Нет смысла пересказывать роман Керуака. Его надо «жить».

Цитаты

«Он был всего лишь юношей, до умопомрачения опьяненным жизнью, и, будучи, мошенником, мошенничал только потому, что очень хотел жить и иметь дело с людьми, которые иначе не обратили бы на него никакого внимания».

«...те, кто без ума от жизни, от разговоров, от желания быть спасенным, кто жаждет всего сразу, кто никогда не скучает и не говорит банальностей, а лишь горит, горит, горит, как фантастические желтые римские свечи. Которые пауками распускаются в звездном небе, а в центр возникает яркая голубая вспышка, и тогда все кричат: «Ого-о-о!»

«— Мы едем в Лос-Анджелес! — крикнули они.
— Что вы там будет делать?
— Черт возьми, понятия не имеем! Какая разница?»

«— Если и дальше так пойдет, то вы оба рехнетесь, однако держите меня в курсе событий».

«Все было окутано тьмой, а мы бесились и орали в своем горном приюте — безумные пьяные американцы в необъятной стране».

«Из пивных выплывали великолепные, неистовые звуки «бопа»; в американской ночи они сливались в попури со всевозможными ковбойскими мелодиями и буги-вуги... Смеясь, шли неукротимые негры в кепочках стиля «боп», и с эспаньолками; потом — измученные длинноволосые хипстеры, свернувшие с ведущей из Нью-Йорка Дороги-66; за ними — старые контрабандисты из пустыни, навьюченные узлами,,,; затем — методистские священники с протертыми на локтях рукавами и одинокий святой отшельник с бородой и в сандалиях. Мне хотелось познакомиться со всеми, с каждым поговорить...»

Экран откликнулся

Огромный и пестрый мир романа странно долго оставался без экранного воплощения. Только в 2012 году режиссер Вальтер Саллес выпустил свою киноверсию. Фильм удостоился разноречивых откликов и почти скандально скромного зрительского интереса (пока).

Как трудно стать взрослым

Д. Д. Сэлинджер
«Над пропастью во ржи»

Это произведение в круге чтения любого юного читателя неизбежно, как корь. Вряд ли кто-то еще так точно воспроизвел мысли и чувства 16-летнего человека, которому все твердят: «ты уже взрослый», а ему порой хочется остаться 13-летним и послать этот жлобский мир взрослых куда подальше.

Таков герой романа Холден Колфилд. Два дня и две ночи болтается он в подвешенном состоянии, бросив школу-интернат, где ему все обрыдло, и не находя в себе духу вернуться домой. За двое суток странной тревожной свободы он много чего узнает: столкнется с рэкетом и продажной любовью, порвет с девчонкой, которая вроде как ему нравится, пообщается с хорошими и не очень людьми, будет философствовать и втихаря глумиться над миром, в котором ему так неуютно. Он немножко порой и пакостит, но главное все ж — МЕЧТАЕТ! Удрать бы из Нью-Йорка куда-то в глушь, поселиться в хижине на берегу ручья и зажить этаким Робинзоном с любимой девчонкой!..

«Мечт» у Холдена всего одна, но и она неосуществима. Впрочем, как? Все равно счастье он свое найдет, причем очень просто: посадит се-

стренку Фиби на карусель, и: «Я вдруг стал такой счастливый, оттого что Фиби кружилась на карусели. Чуть не ревел от счастья, если уж говорить правду. Сам не понимаю почему. До того она была милая, до того весело кружилась в своем синем пальтишке. Жалко, что вы ее не видели, ей-богу!»

Непритязательная ведь история, но вошла в сердца читателей, как нож в масло. Причем, по иронии судьбы, что ли, и в сердце человека, который покушался на президента Рейгана, и в сердце того, кто убил Джона Леннона. Убийца сказал, что приказ застрелить главного битла ему отдал Холден...

Цитаты

«Господи, до чего я всё это ненавижу... Ненавижу жить в Нью-Йорке. Такси ненавижу, автобусы, где кондуктор орёт на тебя, чтоб выходил через заднюю площадку, ненавижу знакомиться с ломаками, которые называют Лантов «ангелами», ненавижу ездить в лифтах, когда просто хочется выйти на улицу, ненавижу мерить без конца костюмы у Брукса...»

«Будем жить в туристских лагерях и во всяких таких местах, пока деньги не кончатся. А когда кончатся, я могу достать работу, будем жить где-нибудь у ручья, а потом когда-нибудь мы с тобой поженимся, все как надо...»

«Понимаешь, я себе представил, как маленькие ребятишки играют вечером в огромном поле, во ржи. Тысячи малышей, и кругом — ни души, ни одного взрослого, кроме меня. А я стою на самом краю скалы, над пропастью, понимаешь? И мое дело — ловить ребятишек, чтобы они не сорвались в пропасть. Понимаешь, они играют и не видят, куда бегут, а тут я подбегаю и ловлю их, чтобы они не сорвались. Вот и вся моя работа. Стеречь ребят над пропастью во ржи. Знаю, это глупости, но это единственное, чего мне хочется по-настоящему. Наверно, я дурак».

«— Пропась, в которую ты летишь, — ужасная пропась, опасная. Тот, кто в нее падает, никогда не почувствует дна. Он падает, падает без конца. Это бывает с людьми, которые в какой-то момент своей жизни стали искать то, чего им не может дать их привычное окружение. Вернее, они думали, что в привычном окружении они ничего для себя найти не могут. И они перестали искать. Перестали искать, даже не делая попытки что-нибудь найти».

Герой против «системы»

К. Кизи **«Над кукушкиным гнездом»**

Как и большинство текстов битников и хиппи, этот роман 1962 г. родился из реального жизненного опыта автора. Место действия — психбольница. В похожей Кизи поработал ассистентом, ведя беседы с больными и исследуя (в том числе щедро и на себе) влияние модных тогда препаратов. Время действия — предположительно все-таки начало 50-х, самый разгар маккартизма с его культом «традиционных» духовных ценностей американского общества. Личность безжалостно обстригают под нужды «общества». Короче, сплошные «скрепы» и тормоза.

Ну, это прямо так Кизи не формулируется. Зато ясно, почему главный рассказчик в романе — индеец-полукровка Бромден, пациент дурки, двадцать лет прикидывающийся глухонемым. А зачем говорить, когда тебя все равно никто не слушает и все держат за дикаря? В его воспоминаниях возникает тема становления американской системы, которую он называет Комбинатом, — системы, которая расчищала дорогу себе безжалостным ограблением его соплеменников.

Другой (главный) герой романа — рыжий рослый ирландец Рэндел Патрик Макмерфи. Шулер и лесоруб, вояка и гуляка, «черт такой», он почти единственный сидит здесь по принуждению, ибо мотает срок. Остальные лишь прячутся от проблем реальной жизни.

Он еще та штучка, этот Рэнди! Всех раскочегарил в сонном отделении, устроил рыбалку в шторм, а потом вечеринку с участием проститутки. Он не просто настаивает на праве быть собой (и учит этому других «острых»), он не забывает и свой карман.

Собственно, именно в этом: в его корысти, интриганстве и низости — пытается убедить пациентов старшая сестра мисс Гнусен. Она заправляет здесь всем. Эта беспощадная, как гильотина, старая дева с словно приклеенной пластмассовой улыбкой: унижает пациентов, заставляя доносить друг на друга, безжалостно топчет их честь, совесть и стыд. Она верный и успешный проводник политики Комбината.

Макмерфи в полной власти мисс Гнусен: в ее праве и силах сделать его чисто «овощем» при помощи соответствующих методов «лечения». Но она не торопится. Ей важно одержать победу моральную... Получится ли?

Роман трагичен и оптимистичен одновременно. А также веселый и страшный. А также мудрый и в чем-то наивный.

В сухом остатке он светлый. В смысле: дающий свет в конце тоннеля.

Немало!..

Цитаты

«Персонал ее подобран, и отделение — в тисках четкости, как часы вахтенного».

«Если мужчина позволил женщине укатать себя до того, что не может больше смеяться, он упустил один из главных своих козырей».

«Трогается с места, я прижимаюсь к стене, и, когда она с грохотом проходит мимо, она уже большая, как грузовик, и плетеная сумка тащится за ней в выхлопном дыму, как полуприцеп на дизеле. Губы у нее раздвинулись, и улыбка едет перед ней, как решетка радиатора».

«Я обязан вступить за честь моего друга как коренного звездно-полосатого стопроцентного американского афериста. Хороший парень. Держи карман шире».

«То, с чем он дрался, нельзя победить раз и навсегда. Ты можешь только побеждать раз за разом, пока держат ноги, а потом твое место займет кто-то другой».

Экран откликнулся

Милош Форман снял свой самый известный фильм «Пролетая над гнездом кукушки» в 1975 году. Роль Макмерфи сыграл Дж. Николсон. Фильм удостоился пяти «Оскаров» в ведущих номинациях. Но Кизи относился к нему с презрением (ибо знал о принципиальных для него изменениях в сценарии, в чем-то искаживших, огрубивших смысл произведения). Как уверял сам Кизи, шедевра Формана он так и не видел...

«Пролетая над гнездом кукушки», 1975 г.

Самые «трудные подростки». Киберпанк

Э. Бёрджесс **«Заводной апельсин»**

А теперь: т-с-с! Мы у колыбели — у колыбели киберпанка. Именно Бёрджесса многие называют родителем этого нагло беспокойного чада, языком литературы и кино рассказывающего нам о высокотехнологичном, но крайне неуютном, неприглядном грядущем человечества. Психотравма рождения киберпанка была нешуточная. В 1959 году у Бёрджесса обнаружили опухоль мозга и предрекли писателю год жизни. Решив за этот год обеспечить семью, он засел за работу над несколькими романами. Так родился «Заводной апельсин» — бестселлер, его обессмертивший и давший начало новому направлению в искусстве (1962 г.)

Итак, действие: Англия, где-то 1995 год (двух лет до этой даты не дожил автор!). Kodla из трех друзей-тинов «с» рабочего района занимается всяким там krasting'ом магазинов, квартир и прохожих с целью добывания babok и просто для полноты чувств. Пусть не смущают вас babki и kodla: герои Бёрджесса выражаются на сленге, в котором много русских слов, — таким виделся писателю молодежный английский сленг середины 90-х, хе-хе.

Совершив непредумышленное убийство. Алекс оказывается в тюрьме, где ему предлагают вместо долгой отсидки пройти краткосрочную промывку мозгов. На свободу он выходит, лишенный всяческих агрессивных рефлексов и... сексуальности. Наступает время платить по счетам. Теперь Алекс встречается со всеми своими жертвами, которые с удовольствием мстят ему, а он не может им даже сопротивляться.

Надо думать, эти сцены Бёрджесс писал с особым чувством: во время войны четверо американских дезертиров, таких же вот

«Алексов», изнасиловали его беременную жену. Погиб ребенок, тихо спилась от горя жена писателя...

Впрочем, Бёрджесс в конце концов помиловал своего героя.

Название романа многозначно. «Заводной апельсин» на сленге лондонских кокни — нечто косое, подозрительное, «с душком». Беспомощным механизмом, «заводным апельсином» пытается сделать Алекса «тоталитарное» (по британским меркам) государство. Но и весь мир — как нелепая и зловещая игрушка, как заводной апельсин в руках бога. Бог заводит и заводит его, и все повторяется снова и снова, ведь исправление Алекса не означает, что его дети не повторят тех же ошибок...

Цитаты

«...Тём, прыгая, продолжал шустрить с автором «ЗАВОДНОГО АПЕЛЬСИНА», украшая его morder сиреневыми разводами и вышибая у него из ноздрей вкусно чавкающий черный sok».

«...правительство, судьи и школы не могут позволить нам быть плохими, потому что они не могут позволить нам быть личностями».

«Что касается музыки, то она как раз все во мне всегда обостряла, давала мне почувствовать себя равным Богу, готовым метать громы и молнии, терзая kis и vekov, рыдающих в моей — ха-ха-ха — безраздельной власти».

«Быть может, человек, выбравший зло, в чем-то лучше человека доброго, но доброго не по своему выбору?»

«Подлые gřiaznuje выродки в той беленькой больничке сделали меня таким, что теперь мне без доброты и помощи хоть пропадай, они даже так сделали, чтобы я и сам не мог предложить другим помощь и доброту, если кому-нибудь таковая понадобится».

Экран откликнулся

В 1971 г. Стэнли Кубрик снял фильм «Заводной апельсин», очень близкий к тексту романа. С одним принципиальным расхождением: Кубрик использовал американское издание романа, где отсутствует последняя глава, то есть фильм завершается безоблачным примирением Алекса с правительством — без всякой тоски, без всякой европейской старосветской печали по этому поводу. В главной роли М. Макдауэл, а также ряд других блестящих актерских работ (П. Мэги — писатель, Э. Шарп — министр внутренних дел и др.).

«Заводной апельсин», 1971 г.

Герой вписывается в систему. Армия

М. Варгас Льоса **«Город и псы»**

О таком жарком отклике вряд ли мечтает писатель. Несколько экземпляров первого же романа перуанца Варгаса Льосы в год его выхода в свет (1963 г.) торжественно предали огню на плацу военного училища, в котором автор учился и которое изобразил в своем, вероятно, самом популярном творении. На какую же мозоль своих однокашников и начальников наступил будущий нобелевский лауреат?

Ну да, изобразил «дедовщину» по-перуански, но явление это в закрытых учебных заведениях почти повсеместное. Сатира так не уколёт — уколёт правда жизни, и она здесь именно «большая правда жизни». Не так уж и важно, через какие конкретно униже-

ния проходят курсанты-первогодки (собственно «псы» на местном жаргоне) — важно, как именно удастся им вписаться, в конце концов, в жизнь взрослого общества (здесь — в жизнь «города»).

Таким, как курсант Питон, легче всего: он бездумно принимает условия социальной игры и жестко им следует. Но если ты слабее и мягче, каков курсант Холуй, или развитей, каков Альберто? Коллектив будущих воинов жесток не только к слабакам и неженкам, он бу-

дет беспощаден и к своему неформальному лидеру, когда настанет пора. Все трое: несчастный Холуй, богатенький Альберто и неформальный фюрер казармы Ягуар — любят одну девушку. Любовь (но вовсе не ревность) станет причиной коллизии, в ходе которой один из троих убьет другого, а третий предаст товарищей.

Нет, роман Варгаса Льосы — вовсе не критика «дедовщины» и даже не критика общества в целом, это пристальное и точное исследование тех психологических и социальных механизмов, благодаря которым юноша становится мужчиной.

Роман кончится частичным хеппи-эндом: все-таки огромное большинство переваливает через порог юности во взрослость.

Цитаты

«...Ягуар кидается на Холуя как бешеный, поднимает его — и швыряет в негра. «Бери новую шлюху!» — кричит он. Холуй встает на ноги, оправляет рубаху, идет к двери. Питон хватает его за шиворот, поднимает, надуваясь от натуги, держит в воздухе несколько секунд и выпускает. Холуй шлепается, как тюк, потом уходит — медленно, припадая на одну ногу».

«Ягуар просиживал все уроки напролет, не раскрывая рта, ничего не записывая, ни на кого не оглядываясь. «Как будто не они его, а он их бойкотирует, — думал Альберто. — Как будто он решил наказать весь взвод».

«Остальные предали меня просто из трусости. А он хотел отомстить за Холуя. Конечно, он доносчик, а такое всегда противно видеть, но он хотел отомстить за друга. Разве вы не понимаете, что это совсем другое дело?»

«Клянусь, сам не знаю, как я мог его убить. Я хотел избить его, напугать. А в то утро я вдруг увидел впереди его голову и прицелился».

«— Я сдержал свое обещание, — сказал полковник. — Я человек слова. Ничто не омрачит ваше будущее. Я уничтожил эти документы.

Альберто искренне поблагодарил его и вышел, непрестанно кланяясь...»

Экран откликнулся

В 1986 г. в СССР чилийский режиссер Себастьян Аларкон снял фильм «Ягуар». Режиссер по-своему развязал узел конфликта романа Варгаса Льосы, несколько облегченно, отправив Ягуара к левакам-партизанам. Но фильм довольно яркий, а брейк Ягуара (актер С. Векслер) с автоматом и впрямь зажигательный.

Запад: 1980-е — и посейчас

А что случилось за тридцать последних лет? Закончилась «холодная война», распался СССР, вознесся Китай, вознеслись, но чуть и поблекли Штаты, западный мир исчерпал надежды беспроblemного развития на движке «монетаризма» и «неолиберализма», остро встал «исламский фактор», Россия строит «свой» капитализм, технологии изменили быт и уже взялись за человеческое сознание... С начала 90-х мы живем в новой эпохе, которую одним словом определить нельзя. Возможно, вскоре мы будем считать наше сегодня вполне сносным, но писатели всегда «бьют тревогу» и пытаются определить болевые точки современности. Такие книжки мы и предлагаем вам в этом разделе.

«Общество потребления».
Выход через «мачизм»??

Ч. Паланик **«Бойцовский клуб»**

Чак Паланик — самый читаемый на сегодня автор сети, а этот его роман — самый хитовый и культовый. Что-то крайне существенное в сознании молодых современников цапнул Паланик, раз немудрящая в целом история широко шагнула в жизнь.

Итак, некто Рассказчик — обычный в меру упитанный клерк. Впрочем, он не доволен жизнью в кредит, не доволен собой, своей немужественностью. Вдруг он встречается крутого парня Дёрдена Тайлера и организует вместе с ним подпольный бойцовский клуб — этакую секцию-секту, в которой такие же, как Рассказчик, яппи могут через спарринг и мочилово приобщиться тайн мужского характера и поведения. Цель секции-секты глобальна: выковать бойцов для уничтожения современной несправедливой и «лживой» цивилизации, чтобы с чистого листа, в жестоких, но правдивых условиях выживания уцелевшее человечество начало новую жизнь.

Увы, это вовсе не бред тихого психопата на кушетке у психоаналитика, хотя родовые корни, похоже, оттуда. Паланик настаивает: он пишет о своем одиночестве — вот и все. Но так думают, так сегодня себя ощущают сотни миллионов. И дело не только в том, что это ощущение часто приводит к анархическим погромным выплескам, к само- и вообще разрушению. Паланик широкодоступными средствами выразил ощущение, что западная цивилизация теряет свою мужественность, свой здоровый, готовый к самообороне мачизм. Но изнеживающее воспитание и условия жизни, «как в каталоге IKEA», удивительным образом повышает градус агрессии в обществе. Что ж, вместо очередной иллюзии-идиллии — иллюзия-погром?..

Есть и не менее важный мотив: заикленная на показном оптимизме и «человечности» цивилизация травмирует человека своей фальшью. Ведь никто пока не отменял ни опасных болезней, ни катастроф, ни смерти вообще...

Кстати, кому любопытно: Дёрден Тайлер — лишь второе «я» Рассказчика.

Цитаты

«Плакать легко, если знаешь, что все, кого ты любишь, когда-нибудь или бросят тебя, или умрут. Долговременная вероятность выживания каждого из нас равна нулю».

«И вот ты стал пленником своего уютного гнездышка и вещи, хозяином которых ты некогда был, становятся твоими хозяевами».

«Многие становятся в бойцовском клубе лучшими друзьями. Все чаще на собраниях и конференциях я встречаю бухгалтеров, младших менеджеров и адвокатов с разбитым носом, который высовывается из-под гипса, фиолетовый, как баклажан...»

«Дело в том, что от самосовершенствования я должен перейти к саморазрушению. Надо начинать рисковать».

«Проект Разгром» вынудит человечество погрузиться в спячку и ограничить свои аппетиты на время, необходимое Земле для восстановления ресурсов».

«— На долю нашего поколения не досталось никакой войны или великой депрессии, поэтому мы должны сами объявить войну, и война эта будет духовной. Мы начнем революцию, направленную против культуры. Наша великая депрессия — это наше существование. Это депрессия духа.

— Мы должны научить людей свободе, поработив их, и показать им, что такое мужество, испугав их».

Экран откликнулся

В 1999 г. на экраны вышел фильм Дэвида Финчера «Бойцовский клуб», получивший статус культового и немало поспособствовавший славе самого Паланика. В главных ролях Э. Нортон, Б. Питт, Х. Бонэм Картер.

«Бойцовский клуб», 1999 г.

Ох уж эти «столпы общества»!..

И. Уэлш **«Дерьмо»**

У каждого — свои скелеты в шкафу. Но что вы скажете, если у чела его скелет не в шкафу, а в нем самом, причем это... глист? Главных героев в романе Ирвина Уэлша два: полисмен Брюс Робертсон и глист, который говорит в нем голосом его несостоявшейся совести. Автор культового романа о наркоманах «На игле» Уэлш преотлично знает все самые вязкие лужи рабочих пригородов Эдинбурга, все там помойки, притоны и подворотни и не без удалства сообщает, неисправимый панк, новости нам оттуда. Но относительно свежее его «Дерьмо» (роман 1998 г.) — штука даже для Уэлша особенная. Потому что героем здесь, как уже сказано, выступает тот, кто с обычными героями Уэлша ведет «суровый бой».

Правда, поганей человечешки, чем Брюс Робертсон, трудно вообразить. Нет преступления, на которое Брюс ради карьеры, выгоды или удовольствия не был бы способен. К тому же расследует он убийство чернокожего юноши, которое сам же и совершил.

Душа Робертсона похожа на зацветший унитаз, но порывшись в нем, автор обнаруживает корни-истоки всех этих гнусных потеков, и они, разумеется, в детстве. С ужасом Робертсон узнает, что его род-

ной отец — маньяк-насильник, а отчим, который его «воспитывал», ничего, кроме смерти, Брюсику не желает. Обстоятельства громоздятся друг на дружку, но Робертсона вовсе не среда заела: он лишь живущий сообразно ее инстинктам тип. Неслучайно в один из последних миггов своей жизни он вспоминает Маргарет Тэтчер — ту, которая сама вышла из этой среды и сделала своими реформами ее максимально невыносимой для всякого Брюсика. Просто покойнице Мэгги повезло чуток больше.

Роман столь же психологичен, сколь и социален, и да не оттолкнет вас обилие неформальной лексики, естественной для матерого копа и говнюка, но только не для глиста!

Цитаты

«Хорошие любовники знают, что хорошим любовником надо показать себя только однажды. Прояви способности в первый раз, а потом делай в принципе то, что хочешь. В конце концов до них доходит, что ты эгоистичный ублюдок, но... к тому времени ты уже получил, что хотел...»

«Вот такие парни мне нравятся. Мне нравится, когда меня называют боссом. Вот получу повышение и сделаю так, что все недоумки в управлении только так и будут ко мне обращаться».

«Уходят всегда хорошие, а остается мусор, дерьмо. Но так уж устроена жизнь, что больше ненавидишь хороших, которые ушли, чем плохих, которые остались».

«Импульс унижать и контролировать, чтобы заполнить внутреннюю пустоту... Ты думаешь о том, как было бы хорошо стать политиком. Как это должно быть прекрасно, начать войну. Послать на смерть тысячи людей. Ты преклоняешься перед Тэтчер после Фолклендов... В детстве, когда другие мальчишки воображали себя солдатами, ты мечтал сидеть за дубовым столом и отправлять умирать других».

А что в странах «третьего мира»?

Ч. Н. Адичи **«Половина желтого солнца»**

Этот роман упорно называют африканскими «Унесенными ветром». Как во всяком романе, написанном женщиной, героини Адичи на порядок сильнее, умней и живучей героев мужчин. Собственно, здесь две героини, сестры-близняшки: красавица Оланна и насмешница Кайне-не. Хотя родители их богаты и образованны, но Африка — это хроническое «здесь вам не тут»: в 1967 — 70 гг. в богатой нефтью Нигерии вспыхнула гражданская война между мусульманским Севером и сепаратистами нефтеносного и христианского Юга. Герои Адичи — «южане», под градом советских бомб они сражаются на стороне самопровозглашенной республики Биафра. Да-да: СССР тогда поддержал северян. Но гражданская война — дело особенно бесчеловечное, герои Адичи теряют родных и близких, а кое-кто из них исчезнет без следа.

Но кроме политики здесь читателя ждет немало свирепой экзотики и любовных страстей сугубо африканского накала. И ни на одной странице автор не даст забыть, что она — прелестная молодая женщина, а значит, идеи феминизма (женской самостоятельности) с нотками африканского национализма ей очень даже близки.

Роман Адичи получил уже две престижные в англоязычном мире литературные премии.

Цитаты

«Впервые в жизни она так расхрабрилась, потребовала внимания от мужчины. «Меня зовут Оденигбо». «А я — Оланна».

Много позже она сказала, что в тот миг ощутила искру между ними, а он признался, что желание причиняло ему тогда физическую боль».

«— Мы вырезали всю семью!.. — выкрикнул на хауса один из пришедших. Он пнул распростертое на земле тело, и Оланна, будто прозрев, увидела, сколько вокруг трупов — они валялись всюду, как тряпичные куклы».

« — Ты ведь у нас хорошая, — продолжала Кайнене ровным голосом. — Хорошие не спят с любовниками сестры».

«Мир не может молчать, когда мы умираем». Эта фраза Мадус с тех пор преследовала его».

« — Все мы возвращаемся, — сказала она. — У нас в народе верят в переселение душ, ведь так? В следующей жизни Кайнене снова будет мне сестрой».

Подростки и взрослые.
«Нет правды на земле»?..

Дж. К. Роулинг **«Случайная вакансия»**

Самая успешная в сегодняшней литературе «волшебница», автор саги о Гарри Поттере Джоан Роулинг презентовала публике свой первый реалистический роман. Хотя без готики и здесь не смогла: двое похорон, три гроба и одно виртуальное привидение плюс куча грязного белья в шкафу чуть ли не каждого из героев. И все это в течение нескольких недель в маленьком выдуманном городке Пэгфорде на юго-западе Англии, в такой сонной глуши, из которой Лондон видится недостижимым солнцем.

Однако и здесь кипят страсти. Внезапно умирает член городского совета Барри Фейрбразер. За вакантное место схватываются поклонники популярного покойника, ратовавшего за социальную опеку опустившихся жителей рабочего предместья Филдс,

и его противники, которые убеждены, что «каждый выживает в одиночку». В борьбу вмешивается и «Призрак Барри Фейрбразера», который на сайте городского совета периодически выбрасывает компромат на обе «партии». Ясное дело, за призраком стоят подростки, которые сводят счеты друг с другом и с взрослыми.

Среди толпы колоритных героев выделяются Стюарт Уолл, он же Пупс, — этакий умняга-пофигист, гроза школы

и как бы анти-Гарри Поттер и его одноклассница Кристал Уоден, которая ведет борьбу со (и за?..) своей вконец опустившейся матерью. Для Кристал споры в городском совете о вспомоществовании бедолагам из Филдс — вопрос жизни и смерти (увы, и в прямом тоже смысле).

Роулинг пишет жестко и хлестко. Черный юмор делает повествование еще убедительней и... безнадежней?

Нет, бурные происшествия с участием виртуального призрака перетряхивают судьбы героев не всегда в худшую, но всегда в более «справедливую», что ли, сторону.

В общем, Роулинг предлагает нам разговор о жизни современных подростков и взрослых, «как она есть».

Цитаты

«Кулак Саймона рассадил ему губу, и Эндрю упал прямо на мать, растянувшуюся поверх клавиатуры. Саймон продолжал сыпать ударами, которые попадали Эндрю по рукам, закрывавшим лицо; Эндрю пытался подняться со своей несчастной, скорчившейся матери, но Саймон, как бешеный, снова и снова колотил обоих, не оставляя живого места».

«Эндрю торопливо шарил в холодильнике..., а в голове носилась ликующая мысль: «Я остановил тебя, придурок, остановил!»

«Взлом сайта занял пять минут, и то потому, что сперва она опечалась при наборе кода».

«Среди них нет такого, как Барри. Он был живым примером тому, что они предлагают в теории: от нищеты пробился к богатству, от унижительного бессилия — к заметному месту в обществе».

«Жертвы Барри Фейрбразера погрязли во лжи и лицемерии, а тут их вывели на чистую воду».

«Эндрю увидел, что Пупс сидит на стуле в черном костюме, похожий на раздавленного паука; одной рукой он прикрывал голову, как будто защищаясь от ударов... Пупс натворил дел гораздо больше, чем предполагал,... он и представить не мог, что значит быть сыном Саймона Прайса, — так думал Эндрю, стоя в прихожей».

Экран откликнется

ВВС уже готовится с съемкам сериала по роману Роулинг, и надо думать, это будет занятное зрелище.

Рекомендуемая литература

Адичи Ч. Н. Половина желтого солнца: Роман. — М.: Фантом Пресс, 2011. — 480 с.

Аксенов В. П. Звездный билет: Повесть. — Любое издание

Аксенов В. П. Коллеги: Роман. — Любое издание

Астафьев В. П. Прокляты и убиты: Роман. — Любое издание

Бёрджесс Э. Заводной апельсин: Роман. — СПб.: Азбука-Классика, 2005. — 240 с.

Бояшов И. В. Танкист, или «Белый тигр»: Повесть. — СПб.: «Лимбус Пресс», Изд-во К. Тублина, 2008. — 224 с.

Булгаков М. А. Записки юного врача. Морфий. — Любое издание

Варгас Льюис М. Город и псы: Роман. — Любое издание

Васильев Б. Л. А зори здесь тихие...: Повесть. — Любое издание

Васильев Б. Л. Завтра была война...: Повесть. — Любое издание

Виан Б. Пена дней: Роман. — Любое издание

Воробьев К. Д. Убиты под Москвой: Повесть. — Любое издание

Воробьев К. Д. Это мы, Господи!...: Повесть. — Любое издание

Грасс Г. Кошки-мышки: Новелла. — Любое издание

Дмитриев А. Крестьянин и тинейджер: Роман. — М.: Время, 2012. — 320 с. — (Серия «Самое время!»)

Довлатов С. Д. Зона: (Записки надзирателя). — Любое издание

Елизаров М. Ю. Кубики: Рассказы. — Любое издание

Елизаров М. Ю. Мультики: Роман. — М.: Астрель: АСТ, 2010. — 317 с.

Иванов А. В. Географ глобус пропил: Роман. — Любое издание

Камю А. Посторонний: Повесть. — Любое издание

Капоте Т. Завтрак у Тиффани: Повесть. — Любое издание

Катаев В. П. «Уже написан Вертер»: Повесть. — Любое издание

Керуак Дж. В дороге: Роман. — Любое издание

Кизи К. Над кукушкиным гнездом: Роман. — Любое издание

Кондратьев В. Л. Сашка: Повесть. — Любое издание

Лимонов Э. В. Молодой негодяй: Роман. — Любое издание

Нилин П. Ф. Жестокость: Повесть. — Любое издание
 Окуджава Б. Ш. Будь здоров, школяр!: Повесть. — Любое издание
 Островский Н. А. Как закалялась сталь: Роман. — Любое издание
 Паланик Ч. Бойцовский клуб: Роман. — Любое издание
 Пелевин В. О. Generation «П»: Роман. — Любое издание
 Пелевин В. В. Чапаев и Пустота: Роман. — Любое издание
 Платонов А. А. Счастливая Москва: Роман. — Любое издание
 Поляков Ю. М. ЧП районного масштаба: Повесть. — Любое издание
 Прилепин З. Санька: Роман. — Любое издание
 Ремарк Э. М. На Западном фронте без перемен: Роман. — Любое издание
 Ремарк Э. М. Три товарища: Роман. — Любое издание
 Роулинг Дж. К. Случайная вакансия: Роман. — М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2013. — 576 с. — (Иностранная литература).
 Санаев П. В. Хроники Раздолбая. Похороните меня за плинтусом-2: Роман. — М.: АСТ, 2013. — 480 с.
 Сачкова С. Одна жирафья жизнь, или Женщина детородного возраста: Роман. — М.: ГОРИЗОНТ КОНСАЛТИНГ Лтд, 2000. — 175 с.
 Саша Соколов. Школа для дураков: Роман. — Любое издание
 Сорокин В. Г. Тридцатая любовь Марины: Роман. — Любое издание
 Сэлинджер Д. Д. Над пропастью во ржи: Роман. — Любое издание
 Терехов А. М. Немцы: Роман. — М.: Астрель, 2012. — 572 с.
 Трифонов Ю. В. Дом на набережной: Роман. — Любое издание
 Уэлш И. Дерьмо: Роман. — М.: АСТ: Астрель, 2011. — 397 с.
 Фадеев А. А. Разгром: Роман. — Любое издание
 Фадеев А. А. Молодая гвардия: Роман. — Любое издание
 Хемингуэй Э. Прощай, оружие!: Роман. — Любое издание
 Чекунов В. В. Кирза. — М.: Изд-во «Популярная литература», 2008. — 252 с.
 Шаргунов С. А. Книга без фотографий. — М.: Альпина-нон-фикшн, 2011. — 224 с.

Валерий Валерьевич Бондаренко

Юность длиною в сто лет
Читаем про себя.
Молодежь в литературе XX века

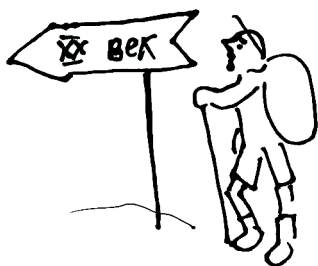
С рисунками автора

Редактор И. Б. Михнова
Ответственный за выпуск И. Б. Михнова
Компьютерная верстка С. А. Иванникова

Подписано в печать 10.07.2014. Формат 60х90/16
Усл. печ. л. 10. Тираж 500. Заказ №143851

Российская государственная библиотека для молодежи
107061, г. Москва, ул. Б. Черкизовская, д. 4, корп. 1

Отпечатано в типографии «Лайт»
111397, г. Москва, ул. Новогиреевская, д. 29, корп. 1

Эта книжка — о книгах. О книгах, посвященных молодежи и, в общем, молодыми чаще всего написанных. Гёте сказал: «Молодежи трудно, мир развивается, а она каждый раз начинает все заново». И какая же она разная, эта молодежь! Встретиться нынешний обайфоненный товарищ с «комиссаром в пыльном шлеме» из 1920-х, — пожалуй, перепугали бы друг друга. И нашли бы общий язык, отдышавшись? Мне почему-то кажется, нашли бы.